

Е. В. СУМЛЁНОВА

БИРМА: ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. В. СУМЛЁНОВА

ВУЗРМА:
ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

ПУТЕВЫЕ
ЗАМЕТКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Редакционная коллегия

Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА,
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*), Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

В. Ф. ВАСИЛЬЕВ

Сумлёнова Е. В.

С89 Бирма: земля и люди. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

87 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга представляет собой путевые зарисовки, сделанные автором на основании впечатлений, создавшихся от поездки по некоторым районам Бирмы. В живой, популярной форме автор знакомит читателя с жизнью, бытом и нравами отдельных народов, населяющих страну, попутно раскрывая наиболее важные страницы ее истории, культуры, хозяйства и политики.

С 20901-119 — 137-80. 1905020000
013(02)-80

91п

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980,

Сколько бы ни путешествовал человек, первые впечатления всегда самые памятные. Первая страна, как первая любовь — в ней и цветы ярче, и небо синее. Моей первой была Бирма — удивительная и разноликая. Страна, лежащая за двенадцать тысяч километров, у самого экватора, между Индией и Китаем. С трех сторон ее стиснули горы, и лишь юг открыт дыханию океана. Плодородные поля и выжженные солнцем саванны, горы и джунгли, каучуковые плантации, нефтяные вышки, рубиновые копи — это все Бирма. Золотая земля — так называли ее в древности.

На площади 678 тысяч квадратных километров живет 31,5 миллиона человек, большинству нет и тридцати пяти лет. Кроме областей собственно Бирмы — Рангунской, Мандалайской, Пегу и др. — в состав Социалистической Республики Бирманский Союз входят семь национальных областей: Качинская, Каренская, Чинская, Монская, Араканская, Шанская и Кая. Этнический состав населения пестрый: в стране свыше двадцати миллионов бирманцев, примерно по два миллиона шанов и каренов, по несколько сот тысяч монов, араканцев, чинов, качинов; много более мелких народностей и племен — кая, пао, палауны, нага, лаху, ва, ико и др. Национальные меньшинства занимают половину территории страны. А еще в Бирме живет около миллиона выходцев из Китая, Индии, Бангладеш.

Недра страны пока мало изучены. И все же разведанные месторождения полезных ископаемых позволяют заключить, что земля Бирмы таит в себе огромные богатства: олово, вольфрам, свинец, цинк, медь, никель, уголь, железная руда, серебро, драгоценные камни.

Страна эта крестьянская, в ней десятки тысяч деревень и триста городов, из них крупных — четыре, с населением более ста тысяч: Рангун, Мандалай, Мола-мьяйн и Бассейн.

Бирма лишилась свободы в XIX веке и одной из первых в Юго-Восточной Азии — в 1948 году — доби- лась независимости.

Все было просто: вчера стояли в аэропорту «Шере- метьево», поживаясь от февральской поземки, сегодня шагаем по горячей бирманской земле. Путь из зимы в лето недолог: семнадцать часов полета. В Москве еще лежал снег, в Ташкенте пахло парной землей, а в Карачи, едва сошли с трапа, в лицо ударил влажный, душный воздух. Низко висело пробитое звездами небо. В сумраке аэродрома приземлялись белые лайнеры, сновали ярко-желтые бензозаправщики, остро пахло карболкой. У входа в вокзал маячил солдат с тюрба- ном на голове. В зале под феном, переговариваясь на гортанном языке, сидели женщины в легких сари, в их смоляных волосах белели привядшие цветы, тонкие браслеты на запястьях и щиколотках тихонько позва- нивали в такт движениям. У витрины с магнитофонами, подстелив под себя коврик, истово молился мусульма- нин.

Все было непривычно. Не удивлялся только летев- ший с нами мальчик лет пяти. В Карачи он деловито спросил отца: «Мы уже приехали в Карачарово? А по- чему дядя делает гимнастику ночью?»

Еще один перелет — и мы в Рангуне. Дома я не представляла себе, как это будет. «Обязательно ку- пите мангусту, — советовали мне знатоки. — Прежде чем надеть туфли, проверьте, не заполз ли туда скор- пион!»

Но зверьком я не обзавелась: так и не решила, с кем обрету больше хлопот. А проблема скорпиона от- пала сама собой, потому что в Бирме носят открытые сандалии. Правда, в ванной, в старых кедах, поселил- ся сверчок, и по ночам оттуда вылетал серебряный пунктир.

Вечерами наш дом полнится странными звуками: ба- сом «мычат» лягушки; прошелестит в зеленой изгороди тугое, тяжелое тело змеи; раздастся возглас «ток- кэй!» — это живущая на чердаке ящерица геккон вы- ползла на охоту. Иногда с потолка шлепается хвост маленькой прозрачной ящерицы-мухоловки — то ли са-

ма отбросила, то ли откусил кто-то в драке. Хвост еще шевелится, а на него уже нацелился юркий ручеек вездесущих муравьев.

Итак, мы живем в Рангуне.

РАНГУН — СЕРДЦЕ БИРМЫ

Каков он, сегодняшней Рангун? Сразу и не ответишь. Очень разный. Его старый, некогда чопорный, а ныне обветшалый английский центр не похож на живописную бирманскую часть города, а китайские кварталы отличаются от индийских районов.

На его улицах классические буддийские пагоды и ступы соседствуют с индуистскими святилищами и с китайскими храмами, на крышах которых застыли, изогнувшись, чешуйчатые драконы, а иногда можно встретить, правда редко, строгие готические кафедральные соборы.

Большинство бирманцев носит национальные длинные юбки лоунджи, но мелькают в толпе индийские сари, американские джинсы, китайское платье. Яркие краски одежд девушек перебивает оранжевый цвет буддийских монашеских тинганов.

Наверное, можно было назвать город пестрым, но пестрота предполагает суетность, спешку, а этого в характере Рангуна нет. Он нетороплив, полон достоинства, степенен, хотя двухмиллионное его население в среднем моложе тридцати. Дома все прячутся в зелени, каждый не похож на другой.

Недавно я наткнулась на любопытную зарисовку города, сделанную журналистом Ассошиэтед Пресс. «Рангун — город, замкнувшийся в прошлом, — пишет он. — Ни небоскребов, ни рекламных щитов, ни неоновых огней, ни фешенебельных отелей с барами, ни модно одетой молодежи. Скромность женщины определяется длиной рукавов ее блузы». Но тот же журналист вынужден добавить: «Политика изоляционизма избавила Бирму от роста преступности, от контрастов нищеты и роскоши и позволила сохранить простые и милые черты традиционного общества. Город чарует спокойной и естественной красотой».

Заря только занимается, ночную тишину еще сверлят цикады, а Рангун уже на ногах. Пошли первые, полупустые автобусы; во дворах жгут сухую траву — пахнет дымом; спешат на рынок крестьяне с корзинами на коромыслах.

Скоро откроются учреждения, и в деловой центр помчат машины, потянется чиновный люд к своим конторам. К началу занятий в университете и колледжах улицы заполнят студенты — коротко стриженные, спортивного сложения юноши в аккуратно выглаженных рубашках, непременно с авторучкой в кармане; длинноволосые девушки, тоненькие и изящные, как статуэтки из сандалового дерева. Неторопливо пойдут от дома к дому бритоголовые, босые монахи, поплотнее запахнув оранжевый тинган и прижав к груди круглую черную чашу для подаяний. День начался.

Рангун пахнет остро ипряно. Запахи поджаренного арахисового и кокосового масла смешиваются с запахом выхлопных газов. Жизнь города, как всюду в тропиках, выплеснута на улицу. Расположились на земле харчевни, наполняя воздух ароматом горячего риса и острых специй; на лотках выложены аппетитные булочки, прикрытые полиэтиленом от назойливых мух. У колодцев и колонок — городские открытые прачечные и бани: плещется детвора, стирают белье и купаются в легких, завязанных на груди юбках женщины. В тени дерева любители играют в шашки, нарисовав доску прямо на земле. Неподалеку устроился парикмахер: осколок зеркала, прикрепленный к дереву, табурет и отточенный нож — все его хозяйство. Если надо, он может заменить лекаря — сделать примочку, прочистить уши, поставить компресс. Есть в городе и модные частные салоны, но они не по карману простым горожанам.

В Рангуне сравнительно мало магазинов. Основные места торговли — базары. Наиболее известен базар имени Аун Сана. Здесь вам предложат всевозможные изделия из перламутра, плетеную из ротанга и расщепленного бамбука хозяйственную утварь, веера, зонтики ручной работы. Тут же, под навесами, работают ювелиры, резчики по дереву, гончары. Слышно, как стучит молоток сапожника, стрекочут швейные машинки портных.

Здание в стиле модерн — приметы нового Рангуна

На базаре — дары земли и моря. Красуются зеленые побеги бамбука, начиненные рисом; рыжие ананасы, сочные мандарины, маслянистое манго, батат, папайя. По резкому, бьющему в нос запаху узнаю дуриан — зеленый, покрытый шипами шар. Его твердая кожура с трудом поддается ножу. Но когда плод разрезан, вы обнаруживаете внутри четыре кремовые семядоли — мягкие и жирные. По вкусу дуриан напоминает смесь пареного лука с грецким орехом и, говорят, обладает тонизирующим свойством. Рядом с плодами тропиков — привычные картофель, капуста, клубника, арбузы. В рыбных рядах лежат на прилавках морские окуни с глазами-перископами, длинные ленты рыбы-сабли, тунцы, сизые кальмары, креветки всех видов.

Торговки сидят прямо на прилавках посреди живой, еще трепещущей груды. Они ловко вспарывают ножом брюхо рыбы, очищают от внутренностей и кидают на весы. Кстати, в Бирме основная мера веса — не килограмм, а «вис» — тысяча шестьсот граммов.

Шумят, суетятся базары. А когда за вечерет и опустеют торговые ряды, на кучи мусора слетятся вороны и подберут остатки. Вороны в Бирме совсем не крыловские простофили, они агрессивны — своего не упустят и чужое вырвут из пасти.

В полдень над городом сгущается банная духота, и улицы вымирают. А к вечеру они вновь оживут: рангунцы выйдут подышать воздухом в парки, на озера. Любимое место прогулок — площадь генерала Бандулы. Здесь высится гранитный Обелиск независимости, бьет подсвеченный огнями фонтан и цветут орхидеи. Оглядитесь — и вы увидите банки, почтамт, министерства, редакции газет. Стоят, как бастионы, выстроенные еще англичанами Верховный суд, Секретариат, Дворец губернатора. Устремил ввысь башни мусульманский дворец. На соседних узких улицах теснятся жилые пятиэтажные дома в викторианском стиле. Среди этого чужеродного разностилья сияет золотой шатровой крышей древняя пагода Суле.

Пагод в Рангуне много, разных форм и возрастов. Пагоде Шведагоун несколько веков, а пагоде Каба-эй (Мира) на улице того же названия немногим более двадцати лет. На ее белом куполе начертаны слова: «За мир во всем мире!» Пагодная аранжировка придает городу неповторимость.

От Суле-пагоды берет начало самая оживленная улица — улица книжных магазинов и кинотеатров. В Рангуне нет пока телевидения, нет драматических театров и картинных галерей. Их заменяют радио и кино. Бирманцы любят кино, в стране сотни кинотеатров, и в зрительных залах всегдалюдно. Кинематограф Бирмы молод, ему не более полувека. Но государственные студии снимают только хронику, производство же художественных фильмов пока в частных руках. Кино долго являлось лишь средством развлечения и чисто коммерческим предприятием. Главное было найти молодую, красивую актрису, которая умела бы петь, танцевать, — и кассовый сбор обеспечен. Сейчас бирманские режиссеры стремятся сделать кино искусством, цель которого не только развлекать, но и заставить зрителя задуматься над жизнью, воспитать его эстетический вкус. Если раньше сюжетами для фильмов служили сказки и легенды, а героями были

Одна из «бань» на улицах Рангуна

принцы, драконы, короли, то теперь кинематографисты стали все чаще обращаться к жизненному материалу.

В Москве шел фильм «Цветок любви». Сюжет его прост: молодой крестьянин в поисках заработка уходит в город. Долго не имея вестей, встревоженные жена и отец героя отправляются на его поиски. В городской сутолоке их подстерегают беды: погиб под машиной старик отец; обезумевшая от горя женщина попадает в различные драматические ситуации (ее даже хотели продать в публичный дом). Но в результате все образуется, добро торжествует над злом, и супруги вновь обретают друг друга. Возможно, картина несколько наивна, но, несомненно, это заявка на проблемную реалистическую ленту.

Если мы с вами заглянем в рангунский кинотеатр, то, независимо от того, какой идет фильм, должны будем перед началом сеанса прослушать стоя государственный гимн Бирмы — таков ритуал.

Поспешим в район озер. Возле входа в Парк сопротавления постоим минуту у памятника национальному герою Бирмы Аун Сану. Молодому генералу одиноко на бронзовом постаменте, он шагнул вперед и протянул руку в приветствии. Отсюда в 1945 году, когда Рангун был еще оккупирован японцами, Аун Сан уводил из города восставшую армию, чтобы потом вернуться победителем. И сейчас еще в одном из скверов стоит японский танк. Теперь это любимое место игр мальчишек. Но у каждого поколения — своя память. Для тех, кто помнит Рангун после войны, танк — не просто военная реликвия, но грозное напоминание и предостережение.

Две с половиной тысячи лет живет на земле Рангун. Разные он носил имена — Оуккала, Дагоун. Теперь его называют Рангуном (по-бирмански Янгоун).

В XVIII веке король Алаунпая объединил страну и дал имя столице — Янгоун («Конец вражде»). Но, увы, это магическое имя не защитило город от новых испытаний. Жалкое зрелище являл собой Рангун после второй мировой войны. Город был изъязвлен трещинами, его лихорадили эпидемии и пожары.

Возрождение Рангуна началось после того, как страна обрела независимость, в 1948 году. Были снесены тысячи лачуг, воздвигнуты новые административные и промышленные здания, построены Школа изящных искусств, Технологический институт, сельскохозяйственный колледж, реконструирован аэропорт Мингаладон, который принимает современные лайнеры из тридцати государств. Новый рангунский зоопарк — один из лучших в Юго-Восточной Азии. Это любимое место отдыха горожан. Они приходят сюда с детьми погулять, послушать пение птиц, посмотреть представление со змеями, просто посидеть в тени деревьев. О всех новостях зоопарка — рождении зверей в неволе, приобретении новых экспонатов — газеты сообщают на первых полосах.

Город строится. Бирманские архитекторы стремятся сохранить связь времен, продолжить традиции национального зодчества в новых конструкциях и материалах — стекле, стали, бетоне.

Советские специалисты участвовали в строительстве Технологического института в Рангуне и отеля «Инья-

Вручение тингана юному послушнику

лейк». В отеле на берегу озера Инья — двести удобных номеров, плавательный бассейн, кинотеатр, почтамт. Особенно людно бывает здесь во время ежегодных международных аукционов бирманского жемчуга и нефрита, когда съезжаются купцы и бизнесмены со всех континентов.

Бирма торгует с десятками стран. В порту у главного пирса всегда много иностранных океанских судов, на некоторых — флаги нашего государства. Причалы облеплены баркасами, джонками, сампанами.

Не успевают погрузиться во мглу силуэты города, как тысячи огоньков поднимутся по контурам пагод до вершины. Зажгутся огни вечерних базаров. Сюда, где воздух полон запахами фруктов и горячего риса, придут уставшие за день люди, чтобы отдохнуть, встретиться с друзьями. Вспыхнут рекламы на улице пагоды Суле, которые, как магнитом, притягивают к себе молодежь. У входов в кинотеатры всегда толчея. Снуют уличные торговцы, на разные голоса предлагая мороженое, сигареты, жареные орешки, горячие пирожки с кунжутом, лепешки моунсхан с мякотью кокосового ореха. Над лотками с товарами мерцают свечи, коптят лучины.

Говорят, орла узнают по полету, а город — по окраинам. Стоят пока еще на окраинах Рангуна крытые соломой хижины, но, к счастью, их становится все меньше. В пригородах вырастают корпуса новых домов. Недавно рабочие-портовики получили жилой квартал с поликлиникой, кинотеатром, библиотекой.

Каждому, кто приезжает в Рангун после долгого отсутствия, заметны перемены. Старый город стал чище, благоустроеннее, поредели своры бездомных собак и стаи ворон. А бирманские архитекторы мечтают о завтрашнем Рангуне с подземными переходами и высотными домами.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ХРОНИКИ

Больше двух с половиной тысяч лет назад в Лумбини (Непал), в семье знатного князя родился сын Гавтама, которому суждено было стать Буддой. Через семь дней после родов умерла его мать. Мальчик рос очень впечатлительным, ранимым. И отец, любя сына, оберегал его от всего, что могло бы принести ему огорчение. До двадцати девяти лет юноша беспечно жил во дворце, не ведая, что за его стенами есть другой, большой мир, полный бед и неустроенности. Гавтама женился, стал отцом, и, казалось, ничто не могло изменить уготованного ему пути. Но пришел день, который перевернул всю его жизнь. Три роковые встречи открыли ему глаза на мир: он увидел дряхлого, нишего старика, больного проказой и труп, пожираемый грифами. Так узнал Гавтама, что миром правят нищета, болезни, смерть. Потрясенный, он оставил отчий дом и ушел в пустыню, чтобы вдали от светного мира понять, в чем смысл жизни. Для чего рождаются люди? Отчего страдают они и как их «вывести за пределы скорби»?

Семь лет провел Гавтама в скитаниях и размышлениях. Извечал аскетизм, испытания плоти, постиг премудрость брахманской религии и отверг ее, пока наконец ему открылась дхарма (истина, закон). В чем же она? Если не вдаваться в сложную догматику буддийской доктрины, сущность ее в следующем: человека разрушают страсти, его точат ревность, зависть, злоба, корысть. Он в постоянном разладе с собой, мечется

между беспредельным «хочу» и ограниченным «могу», тогда как самое мудрое состояние — покой, созерцание. Источник счастья — в тебе самом, в душевной гармонии.

Все живое на земле — звенья единой цепи в переходе от низшего к высшему. В мире ничто не исчезает. Смерти нет, есть перевоплощение. Человек кончает одну жизнь, чтобы родиться в новом обличье. Судьбу его определяет карма (деяние), бесконечная цепь причин и следствий, баланс добрых и злых дел, совершенных в прежней жизни. Человек ответствен за все свои поступки, то есть за карму, во всех своих прежних жизнях. И хотя никто не помнит своего прежнего существования, «капелька прошлого всегда живет в нас», — говорят буддисты. Жизнь — возмездие за грехи или награда за добродетель. Праведник в новой жизни будет счастливей, богаче. Грешнику суждено родиться бедняком, а возможно, низшим существом — собакой, воиной, змеей. Великого Закона Изменчивости никто не может избежать, даже Будда. Прежде чем родиться Гаутамой, он приходил в мир в 550 обличьях.

Совершенствуйся — и приблизишься к нирване, идеальному состоянию отрешенности, высшему блаженству. Но таков удел избранных. За всю историю только четыре смертных достигли нирваны. Мирн являлись четыре Будды, и последний из них — Гаутама.

Буддист должен быть щедрым, умным, воздержанным, сильным, чтобы помочь ближнему, не хвастать, не ждать награды за добро, не нарушать слова. Высшие добродетели — любовь, прощение, доброта, праведность мыслей и поступков. Кстати сказать, в новой Бирме высший орден носит название: «Высочайший защитник славы Великой Любви».

Итак, стремись к совершенству! Не греши, не завидуй, не ропщи, не желай! Открыв для себя истину, Гаутама отправился по миру проповедовать ее, за что и был назван людьми Буддой — Просветленным.

Письменно учение буддизма было зафиксировано после смерти его создателя. Со второго века нашей эры эта религия из Индии проникает на Индокитайский полуостров.

Буддизм, скажут вам в Бирме, — не религия, а философское учение. Будда — не бог, а Первоучитель, вы-

сочайший образец для подражания. Гаутама был смертен, тело его сожгли, кости погребли в разных странах. Но чтут Гаутаму, как бога. Буддизм обладает всеми атрибутами религии: верой в бессмертие, переселение душ, загробную жизнь.

В чем же притягательность буддизма для народа, почему он так победно шагал из страны в страну? Да потому, что он лишал людей страха перед смертью. А главное — он угодил низам и верхам сразу. В отличие от брахманской религии, делившей людей на касты, он объявил равенство всех перед небом — королей и нищих. «Богат не тот, кто имеет деньги и дом, а кто носит в душе благородные истины», — говорят в Бирме. И, однако, при всей демократичности религии ее заветы — не желай, не ропщи — оказались на руку верхам, защищали интересы имущих классов. Никто не виноват в том, что ты бедствуешь, а сосед живет хорошо. Значит, ты наследовал дурную карму, но своим благочестием ты можешь улучшить ее, и тебе воздастся в будущем рождении. Да, мир плох, признают буддисты. Но плох потому, что плохи люди. Стало быть, менять надо не мир, а себя.

Учение буддизма, смыкаясь с социальной действительностью, формировало идеологию бирманского общества. Буддийские заповеди очень чтут в стране. Дома, в быту буддист соблюдает пять заповедей, в монастыре — более двухсот.

Как-то я спросила одного бирманца: сколько монастырей в Бирме? Он ответил: а сколько звезд в небе?

Действительно, трудно сосчитать. Нет, наверное, ни одной горы, холма или возвышенности, которая не была бы увенчана, как белым парусом, пагодой или монастырем. В монастыре обычно живут по несколько монахов во главе с настоятелем и послушники.

Каждый юноша «во спасение души» своей и родителей обязан какое-то время пожить в монастыре — таков обычай. Раньше срок послушничества измерялся годом, теперь достаточно и недели. Обряд пострижения мальчиков в монастырь — шинпью — отмечается как большой праздник. Накануне в дом приглашают музыкантов, накрывают столы. Будущий послушник проводит день в играх со сверстниками. А наутро, ког-

да отзвучит музыка и разойдутся гости, виновник торжества отправится в монастырь — верхом на лошади, под зонтом, в золоченом уборе. Впереди пойдут родители с дарами монастырю. Там мальчика остригут наголо, вручат оранжевый тинган и чашу для сбора подаяний — символ бескорыстия. Новичок примет обеты, будет изучать священные тексты и соблюдать заповеди. «Змея красива шкурой, а человек — душой», — утверждает бирманская поговорка. Считается, что пребывание в монастыре очищает душу. Юноша должен, пройдя через монашеский аскетизм, усвоить презрение к мирской суете и постичь истинные ценности.

Ученые мужи и государственные деятели периодически оставляют мирские дела и на время удаляются в монастырь.

Буддизм, имеющий глубочайшие корни, пронизывает все стороны жизни бирманского общества, влияя на идеологию, экономику, и с этим нельзя не считаться.

Надо отдать должное монастырям: когда-то они были первыми школами, где обучали грамоте мальчиков. Как центры социальной и религиозной жизни, они регулировали экономические, правовые и семейные отношения, удовлетворяли духовные запросы населения, особенно в деревнях. В годы английского господства монастыри стали хранителями национальной культуры, а патриотически настроенное монашество играло видную роль в освободительном движении, нередко именно монахи были инициаторами и вдохновителями антиколониальных крестьянских выступлений.

ДВА ВЕКА — ДВЕ СЯТЫНИ

Из окна моего дома виден золотой шпиль пагоды Шведагоун. Она всегда разная, эта волшебная пагода: упадет ли первый луч солнца на ее купол, найдет ли тучка, вспыхнет ли иллюминация в вечерний час. Взглянуть на «золотую славу» Бирмы приезжают люди со всего света. Показать мне Шведагоун взялся молодой преподаватель колледжа У Не Оун.

В условленный час подхожу к пагоде. Мой гид уже ждет меня — он точен и аккуратен. У него интеллигентное лицо, мягкая манера говорить, внимательный

Взгляд из-под роговых очков. Одет мой спутник в традиционную клетчатую юбку лоунджи, завязанную спереди узлом, и в белую куртку без воротника. К слову сказать, бирманцы одеваются тщательно, чисто, со вкусом, предпочитают натуральные ткани.

— Если верить легенде, — говорит У Не Оун, — Шведагоуну больше двух тысяч лет. Именно тогда сам Будда, встретив в Индии двух братьев-купцов из Бирмы, дал им восемь волос со своей головы, сказав: «Храните их». Над этой святыней и выстроен Шведагоун. Так рассказывает легенда. А документальное упоминание о пагоде относится к четырнадцатому веку, тогда главная ступа была в пять раз ниже. За долгую жизнь пагода пережила несколько землетрясений, и всякий раз ее достраивали. Нынешний силуэт Шведагоун приобрел к концу восемнадцатого века, но в деталях он продолжает меняться и сегодня. Однако у нас говорят: «Не вдохнув аромат, не отведаешь яства»; не побывав в храме, не оценишь его величия и красоты.

Вход в Шведагоун открыт всем. Единственное условие — идти босиком. Мы подходим к южному входу, снимаем обувь, проходим мимо двух девятиметровых раскрашенных каменных львов (чинтэ), стерегущих вход, и, поднявшись по длинной крытой лестнице, где продают цветы и сувениры, ступаем на мраморную платформу пагоды.

Синь неба, зелень пальм и золото храмов в первую минуту ошеломляют. Первое, что вы видите, — главная ступа высотой сто метров, сверху донизу покрытая золотом. Наверху — зонт из семи золоченых колец десятиметровой высоты. Он, как бахромой, обрамлен золотыми и серебряными колокольчиками. Их больше тысячи. Легкое дуновение ветра — и над пагодой плывет звон. Над зонтом высится флюгер, еще выше — золотой шар, инкрустированный драгоценными камнями.

В Бирме два типа культовых зданий: пагоды и храмы. В отличие от храмов в пагоду войти нельзя. Это глухой конус, позолоченный или оштукатуренный, возведенный над священной реликвией. Молятся перед пагодами или под навесами, где установлены изваяния Будды.

Мы идем в обход главной пагоды. Слепит глаза яростное солнце, нестерпимо горячо ногам от нагрето-

Фрагменты храма Шведагоун в Рангуне

го мрамора. Низко над землей висят колокола. То и дело к ним подходят люди и, взяв лежащий на земле деревянный брус, бьют им в колокол. Есть поверье: если сделать пожертвование храму и трижды ударить в колокол, желание будет услышано небесами и сбудется. Запах цветов и сандала, печальные звуки гонга слегка кружат голову. Слышится негромкое бормотание: это монахи читают священные тексты, и «ритмы странные тысячелетних слов врываются в сегодняшнюю жизнь...».

Вокруг стоят дома для отдыха и ночлега паломников, монастыри с деревянными, изящными, как кружево, многоярусными крышами. Над всем этим великолепием царят бесчисленные статуи Будды — золотые, каменные, алебастровые. Крохотные и колоссальные. Стоящие, сидящие, лежащие. Их бесстрастные лица и улыбка как бы завораживают вас.

Главную ступу окружают семьдесят два позолоченных храма, смотрят на вас выпуклыми каменными глазами демоны, слоны, добрые духи (наты) — покровители всего сущего на земле. Здесь же щиты с изображениями животных — символов недели. Бирманская астрология насчитывает девять планет и восемь дней недели. Воскресенье — Солнце, его олицетворяет мифическая птица Галоун, одолевшая в поединке дракона Нага; понедельник — Луна (тигр); вторник — Марс (чинтэ); среда до заката солнца — Меркурий (слон); среда вечером до восхода солнца в четверг — мифическая планета Раху (слон без клыков); пятница — Венера (крот); суббота — Сатурн (дракон Нага). В этом пантеоне главное божество — мифическая планета Кейт, не связанная с днями недели. Ее олицетворяет сказочное животное пяти красот Пансаюбо, у которого хобот слона, рога оленя, грива льва, хвост рыбы, тело и мощь дракона. Для моления каждый выбирает день недели, когда родился.

Молятся, сидя на земле, скрестив ноги, часто с цветком лотоса в руках — символом очищения от греховных помыслов. Молятся по-разному: порывисто и медлительно, рассеянно и истово.

— Мои родители буддисты, — говорит У Не Оун, — я тоже чту буддийские законы. Но мне близко состояние, о котором говорил Гейне: порой трудно понять,

где кончается ирония и начинается небо. Если тебе с колыбели твердили, что жизнь — ничто и главное — переход в иной мир, то, согласитесь, иногда нелегко разобраться, для чего живешь. Но я уверен — скоро люди поймут, что нирвану лучше утверждать не на небе, а здесь, на земле.

Мы проходим мимо самой древней, неприметной на вид пагодки. Около нее лежит черный отшлифованный, как ядро, «камень желания». Говорят, перед тем как начать какое-нибудь дело, нужно попросить совета у Будды. Если дело доброе и помыслы чисты, камень покажется легким, если нет — тяжелым. Тут и там стоят ящички для пожертвований с надписями, где сказано, на что пойдут деньги: на ремонт, позолоту или иллюминацию пагоды.

Шведагоун — сложный архитектурный ансамбль. В него ведут четыре входа — по одному с каждой стороны света. У восточного входа на старых каменных плитах начертана история пагоды. У северного — сохранились древние перила в форме драконов, но они безжалостно застроены лавками, и к ним трудно подступиться. На входной арке с западной стороны — надпись: «Благодарение БОК». Ее оставил английский нефтяной концерн «Бирма Ойл Компани», выкачавший из страны миллионы фунтов стерлингов. Однако подарок, видимо, не был принят Буддой, и 1 января 1963 года концерн национализировали. У южного входа в Шведагоун расположился музей пожертвований Будде. Для туриста — кунсткамера, для буддиста — святая святых. Будде дарят не обязательно самую ценную, но непременно самую дорогую вещь. В коллекции есть все: от тончайших рукоделий, золотых изваяний божества до грамот и орденов колониальных времен.

Шведагоун — мекка буддистов. Никогда не иссякает здесь поток паломников. В храме всегда людно. В отличие от христиан у буддистов нет строго установленных во времени религиозных служб. В пагоду приходят, когда хотят побыть наедине с Буддой, сосредоточиться, приходят в горе и в радости.

Вот и сегодня в ней оживленно. Сидит на полу женщина, курит сигару. О чем она думает? Промчалась стайка девочек в зеленых форменных юбках. Это

школьницы, у них свои просьбы к Будде. В тени дерева спит человек. Не спеша прошли монашки в розовом, неся на головах скромные пожитки. Устроившись на циновках, обедает семья. В одном из уголков снимается кино. Героиня, позируя перед камерой, горячо молится. Вокруг, как водится, много любопытных. Обычный день в Шведагоуне.

А всего в нескольких метрах от пагоды — еще одно святое место, не менее почитаемое. Это Мавзолей Азани («мучеников»), где погребены национальный герой Бирмы генерал Аун Сан, глава переходного бирманского правительства — Исполнительного совета, и шесть его сподвижников, шесть министров. Убийство было организовано реакционной бирманской группировкой, связанной с империалистами. Оно совершилось во время заседания Совета 19 июля 1947 года. Когда хоронили Аун Сана, Неру сказал: «Не Бирма, вся Азия, борющаяся за независимость, потеряла своего лидера».

ПО ДОРОГАМ «БОЛЬШОГО КОЛЬЦА»

В Бирме всегда жарко, но в апреле жара становится невыносимой: она испаряет реки, испепеляет небо. Вянут пальмы, сгорает трава: чтобы выстоять, сбрасывают листья манговые деревья. Даже вороны, утратив агрессивность, сидят на заборах с разинутыми клювами.

Мы едем на север, в центральную часть страны. Но вы ошибаетесь, если думаете, что там спасение от жары, именно там — самое пекло. Центр Бирмы — засушливая зона юг — рисовая житница. Мы проехали по маршруту Рангун, Пьи, Чау, Чемаутаун, Паган, Мандалай, Мемьо, Таунджи. По дорогам так называемого большого кольца. Из Рангуна выехали до зари. Безлюдны улицы. Тихо. Где-то ударили в гонг, потом еще и еще. Разноголосый, тревожный перезвон поплыл над спящим городом. Нет, ничего не случилось — просто ночные сторожа пробили время. Так — каждый час.

В тропиках поездка ранним утром имеет особую прелесть. Солнце пока не встало, и трудно поверить,

что через час-другой разгорится знойный день. Кажется, протяни руку — и тронешь зыбкую дымку испарений. Утром температура воздуха благодная — двадцать градусов, но бирманцам холодно, они кутают головы махровыми полотенцами.

На выезде из города минуем строгую белую колоннаду — английское военное кладбище. Ровные ряды одинаковых гранитных плит сходятся к пятиметровому кресту, создавая ощущение бесконечного скорбного ритма. Двадцать шесть тысяч солдат — печальная дань второй мировой войне.

По обеим сторонам дороги тянется живая изгородь — красные бугенвиллеи, белые магнолии, сиреневые вьюнки. Иногда она обрывается, уступая место прудам, заросшим желтыми кувшинками и розовыми цветами лотоса. Стоят, развесив листья, бананы. Банан плодоносит только один раз в своей жизни. А вот папайя (дынное дерево) — растение многолетнее. Ее тонкий ствол унизан тяжелыми прололговатыми плодами густо, как облепиха ягодами. Папайя очень полезна, из ее сока вырабатывают вещество, близкое по составу к пепсину, желудочному соку.

Четко вписывается в голубизну неба мелкая резная листва тамариндов. Стоят у дороги древовидные молочаи с негнущейся кроной, могучие фиквсы-баньяны — символ всевидения и мудрости. По преданию, Гаутама сидел под сенью баньяна, когда его озарила Истина. Ну, а пальмы? Их в Бирме десятки видов: кокосовая, арековая, масличная, финиковая, ротанговая, веерная. «винная» пальма тодди и др.

Говорят, дороги в Азии — зеркало жизни. Прилепились к дороге деревни, базары, мастерские, лавки, хижины на сваях.

По обочинам идут, мелко переступая и пружиня, торговцы с целым «магазином» на бамбуковом коромысле. Возвращаются домой женщины с выстиранным бельем на головах, с покупками, завернутыми в банановые листья. Бирманка только с виду хрупкое создание, тонкие пуки необыкновенно выносливы и проворны в работе. Сложены девушки изящно, даже пожилые женщины по-девичьи гибки и подвижны. В деревнях горделивой осанкой они обязаны обычаю носить тяжести на голове.

Проезжаем рисорушки, печи для обжига кирпича, у небольших лесопилен пахнет свежераспиленным деревом, в мягких разноцветных стружках играют дети. И совсем неожиданно: во дворе храма удобно разместилась машинопрокатная станция, выстроились в ряд трактора. Это уже примета нового времени.

Поскрипывают арбы, покрытые рогожей, их тащат неторопливые буйволы с лоснящейся черной кожей и мощными рогами. Лениво перелайваются собаки; перебежал дорогу жилистый длинноногий петух с красной шеей. То и дело по обочинам шоссе мелькают пагодки — маленькие, непритязательные, беленные известью, но возле каждой непременно свежие цветы.

Иногда нам навстречу идут междугородные автобусы, набитые до отказа: пассажиры сидят даже на крыше кабины водителя. Многие добираются из села в село на велосипедах, на велорикшах, но в основном пешком. В веренице машин нет-нет да и мелькнут наши «газики».

По убранному рисовому полю бродят буйволы с некрупными белыми цаплями на спинах. Другие их собратья, отдыхая от упряжи и спасаясь от зноя, дремлют в воде; мерно шевелятся челюсти, перетирая бесконечную жвачку. Но теплые лужи не спасают от солнца.

В Бирме две грозные стихии сменяют друг друга — солнце и ливни. Поля то задыхаются от суши, то заливаются водой. Полгода небо не выдает ни единой капли дождя; высыхает иссеченная трещинами земля. Только к июню разверзнутся хляби небесные, хлынут затяжные дожди — и все тогда отсыреет. Влажность будет такая, что утром купленная на рынке фасоль к вечеру прорастет в бумажном пакете тугими белыми ростками. Одежда и обувь покроются плесенью, в доме запахнет грибами.

В октябре дожди кончатся, снова настанет сухой и прохладный сезон — пора уборки урожая, свадеб и театральных представлений под небом. Сезон откроется праздником огня (тадинджоу). Газеты поздравят читателей с хорошей погодой. Деревья, дома, пагоды осветятся гирляндами ламп, вспыхнут костры, фонари, в небо взлетят бенгальские огни, воздушные змеи с факелами. Но до этого пока далеко. Правда, свадьбы празднуют и в апреле. В городе Пегу нас, совершенно

Молодожены

незнакомых людей, радушно пригласили на свадебное торжество.

А было так. На центральной улице, шумной от детворы, криков торговцев, сигналов машин, вышел из строя светофор и образовалась пробка. Пережидая, пока рассосется скопище машин, мы остановились в тени дома, чтобы немного отдохнуть от пыльной дороги, и вдруг услышали музыку.

У входа в дом стояли юноша и девушка. Улыбаясь, они приветствовали входящих и каждому вручали веер. Нас тоже пригласили войти и тоже подарили веер, на котором были написаны имена молодоженов, дата

свадьбы и символический рисунок — две руки в тесном пожатии.

В Бирме предпочитают браки по любви, а не по сговору или сватовству. Юноша посылает своей избраннице цветы, фрукты, иногда стихи. «Мы будем неразлучны, как лотос и вода, как золото и сапфир», — пишет он. Если дары не отвергнуты, значит, невеста согласна. Когда молодые договорятся, родители обсуждают финансовую сторону события. Потом обязательно приглашают астролога, чтобы тот, сравнив гороскопы молодых, назначил благоприятный день свадьбы. Религиозного брачного обряда в Бирме нет. В заветный день в доме жениха или невесты, а чаще в каком-нибудь арендованном зале собираются родные, друзья. Торжество проходит днем. Играет оркестр, гостей потчуют мороженым, кофе и десертом, спиртное подавать не принято.

Сначала молодожены живут в доме родителей, а потом начинают обзаводиться собственным жильем. Побирмански «вступить в брак» дословно означает «построить дом».

Разводы очень редки, но, если они случаются, имущество делится между супругами поровну.

В замужестве девушки сохраняют свое имя. Кстати, об именах: в Бирме по имени можно узнать возраст, а иногда и профессию человека, его положение в обществе. Для этого используются несколько приставок перед именами собственными. Для мужчин — Маун, Ко и У, в зависимости от возраста и положения. Ма — для девушек, До — для женщин.

Когда рождается ребенок, имя ему обычно дает монах-астролог, он составляет малышу гороскоп, указывает, какие сочетания звезд покровительствуют ему, называет его счастливые камни, удачливые дни. Гороскоп, пальмовый лист с начертанным на нем острым стилем текстом, бережно хранят всю жизнь, потерять его — дурная примета.

В Бирме ревностно чтут обычаи старины. Издавна ценят родственные отношения, дружбу, добрососедство. «Чужой беды не бывает», — говорят бирманцы. В делах семьи нередко принимает горячее участие вся улица. Помню, когда у хозяина нашего дома тяжело заболел сын, к нему приходили соседи со всего кварта-

ла. Они хором распевали перед домашним алтарем молитвы, прося у Будды исцеления для ребенка. В праздники соседи обмениваются недорогими сувенирами, шлют друг другу подносы с фруктами и цветами.

Однако вернемся в Пегу, на свадьбу. Нас провели в светлый, просторный зал. Напротив входа на тронном возвышении сидели жених с невестой. Перед ними стояла серебряная, чеканной работы чаша с рисом — символ достатка и благополучия. Невеста в белом свадебном наряде, в цветах, ее суженый в традиционной юбке лоунджи, в белой куртке и рубашке с золотыми пуговицами. Головной убор из розового шелка повязан так, что концы его свисают над правым ухом.

Свадебную церемонию нередко ведет пожилая супружеская чета, которую приглашают родители молодоженов. После напутствия монаха и торжественного ритуала соединения рук молодые сошли с возвышения и сели за специально сервированный для них стол. Началось чаепитие. В разгар веселья к невесте подошли подружки и увлекли ее в круг. Ей дали в руки букетик цветов, завязали шелковой косынкой глаза и стали кружить. Нам объяснили: девушки просят невесту вручить кому-нибудь букет. Есть примета: та, кому он достанется, выйдет замуж раньше всех. Цветы достаются маленькой, тоненькой девочке-подростку, еще школьнице. Все смеются, поздравляя будущую невесту. Мы тоже желаем счастья новобрачным и гостям, дарим сувениры, благодарим за гостеприимство — и снова в дорогу.

Мы путешествуем не в самое подходящее время: апрель — пик жары. Яростное солнце в зените, и лучи его беспощадны. Обмелела даже полноводная Иравади — «слоновая река», кормилица страны. «Река божественного дара», уверяет легенда, вылилась из хобота любимого белого слона бога дождей.

Иравади берет начало в Гималаях и течет через всю страну с севера на юг. Резвая и чистая у истоков, она пробегает зеленые нагорья севера, выходит в долину Качинской национальной области, протекает вблизи Могоу, известного своими рубиновыми копиями, и постепенно меняет нрав — становится спокойной и величавой. Неспешно течет река по средней Бирме, поит влагой поля, несет на себе суда, сплавляет лес. На юге

В очереди за питьевой водой

Иравади образует широкую дельту, разлившись на рукава, теряется в Индийском океане. Несколько столиц стояли в прошлом на ее берегах, в том числе Паган и Мандалай.

Мы едем по берегу против течения реки, с юга на север. Наша «Волга» легко преодолевает песчаную зыбь — обмелевшие русла рек, оставляя за собой завесы пыли. На песке сушатся сети, пахнет вяленой рыбой, застряли на мели плоты, связанные лианами, ждут большой воды лодки-катамараны. Сейчас ее так мало, что обнажился рыхлый зеленоватый ил. Питьевую воду развозят по деревням в бочках на буйволах. У отстойников, где еще можно зачерпнуть немного влаги, выстроились шеренгой канистры, глиняные сосуды, а их обладатели, терпеливо дожидаясь очереди, сидят в тени дерева.

Издали несут на головах кувшины с водой стройные женщины, бирманские золушки. Жаль, принцев нет. Впрочем, как знать? Сюда, в провинцию, приезжают из столицы студенты-добровольцы, чтобы научить золушек читать и писать и мечтать о новой жизни. Многие женятся и остаются в деревнях учительствовать.

В стране объявлен всенародный бой неграмотности. Началось с того, что несколько студентов решили провести каникулы в деревне и научить желающих грамоте. Их почин мгновенно был подхвачен, и через месяц таких энтузиастов-учителей было уже две тысячи. Проводящиеся с 1969 года ежегодные кампании по борьбе с неграмотностью приняли общенациональный характер. За это время научились читать и писать полтора миллиона труженников. Кампания по ликвидации неграмотности называется «три А», так как именно с этой буквы начинаются бирманские слова: чтение, письмо, счет. Создана даже специальная эмблема — круг, внутри которого три буквы А. Такую эмблему можно увидеть на плакатах, марках, книгах, на рубашках студентов. Намечено полностью покончить с неграмотностью в стране. Сидят за книгами старики и дети, солдаты и бойцы народной милиции, женщины с грудными детьми на руках. «Умеешь читать — научи другого!» — призывают красочные щиты на дорогах. А перед въездом в одну деревню мы увидели плакат: «Наша деревня освобождена от неграмотности!» Таких «освобожденных» сел становится все больше. За успехи в народном просвещении Бирма удостоена премии ЮНЕСКО.

Чем выше мы поднимаемся на север, тем скупер краски. Остались позади гибкие кокосовые пальмы, потянулись плантации пальм тодди. Мы — в средней Бирме. Тодди — кудлатое, веселое дерево. Из его сладковатого сока готовят легкий хмельной напиток, напоминающий брагу. Видим, как смуглый, босой мальчишка, закинув вверх плетенную из ротанга лестницу, ловко взбирается по ней к кроне дерева. Точным движением он надрезает плодоножку и подвязывает к месту надреза круглую чашу. Скоро она наполнится соком.

Но постепенно плантации пальм вытесняются желтой холмистой степью: значит, близок нефтяной Чау. А потом начинается сухая зона. Здесь царит цвет утомительно серый, словно прошла по земле саранча, не пощадив ничего. Сушь такая, что кажется, дерево с алыми цветами воспламенилось от жары. Оно так и называется «пламя леса».

На деревья навиты охапки сена, словно гнезда исполинских птиц. Таким способом сено хранят — его не

достать бродячему скоту, в нем не скапливается вода, а ветер быстро просушивает.

Как руки лешего, торчат из земли узловатые воздушные корни баньяна. К дороге подступили густые заросли кактусов. Удивительное это растение, кактус: страшный, неуклюжий, он вдруг выстреливает хрупкий, беззащитный цветок и нежно оберегает его своими руками-колючками, и от контраста цветок кажется сказочным. Но здешним жителям не до сравнений. Для них кактусы — обычные заборы, а кроме того, они — злостные сорняки, которые надо выкорчевывать, чтобы на их месте возделывать поля.

Наше внимание привлекла голубая гора Поупа, увенчанная белым монастырем. Это потухший вулкан, очень почитаемый в Бирме. По преданию, здесь обитают духи-наты. Кузнец Махагири и его сестра — прекрасная Дева. Она была женой короля. Завидуя славе и силе кузнеца, король хитростью заманил его во дворец и велел бросить в костер. Сестра добровольно разделила его участь. Сгорев в пламени, оба они стали натами — хранителями Бирмы. Такова легенда. Кстати, здесь на горе состоялось первое заседание Антифашистской лиги народной свободы, которой не в легенде, а в жизни суждено было сыграть роль хранительницы Бирмы.

Недалеко, в засушливом районе Чемаутаун (Петушиный гребень), четыре года трудились советские механизаторы, почвоведы, ирригаторы. Вместе с бирманцами они воздвигли плотину длиной в два с половиной километра. Чтобы не снести при строительстве пагоду, плотину пришлось удлинить. Высокая дамба образовала водохранилище. Отсюда вода бежит по оросительным каналам. В краю, где трудно было добыть даже питьевую воду, теперь плещется озеро. Инженер плотины У Хла Тун рассказал, что крестьяне могут сейчас снимать по два урожая в год.

Проезжаем плантации гевеи — «плачущего дерева». Женщины, сборщицы каучука, проворно обходят деревья, сливая в ведро из подвешенных к надрезанным стволам чашечек «резиновое молоко». Они спешат: деревья дают сок только утром, потом отдыхают. Плантации страны дают пятнадцать тысяч тонн каучука в год, две трети из них идет на экспорт. Прави-

тельство ввело монополию на продажу каучука. На одном заводе нам показали, как «созревает» каучук. В белый вязкий сок—латекс—вводят коагулянт, сок сворачивается в творожистую массу. Массу прессуют, отжимают жидкость. Полученные пласты помещают в коптильни, где они приобретают желтовато-кремовый цвет. Эти пласты экспортируют.

В маленьком уютном городе Магуэ, где мы устроили получасовой привал, в кинотеатре шел советский фильм «Аладин и волшебная лампа». Это было неожиданно и приятно. Однако пора снова в путь. Указателей дорог мало, только на бирманском языке, но с нами шофер, карен Ко Со Саун, по-дружески переименованный в Семена. Он везет нас к Пагану, первой бирманской столице.

ПАГАН — НАЧАЛО НАЧАЛ

Уехать из Бирмы, не увидев Пагана,—все равно что уйти от родника, не утолив жажды. Паган—исток страны, отсюда началась ее духовность, государственность, культура. Некогда могущественное царство, а ныне безлюдный город, уснувший на берегу Иравади почти семьсот лет назад, город тысяч храмов. Лежит Паган в самом сердце страны, на древних торговых путях из Индии в Китай, и добраться до него непросто. Поезда туда не идут, самолеты редки, а машина может пройти только в сухой сезон.

Время расцвета Пагана часто называют золотым веком бирманской истории. Утверждают, что пятьдесят пять королей в течение двенадцати веков, начиная со 168 года, правили Паганом, и все они строили пагоды. Однако документальная история города началась в XI веке.

Расцвет Пагана связывают с именами царя Анируды, мудрого и просвещенного правителя, и его сына—короля Чанзитты. Анируда объединил страну и сделал Паган столицей. Он утвердил буддизм, вместе с которым в Бирму пришла письменность. Чтобы завладеть священными рукописями, он покорил соседнее царство Татхоун, пленил короля и пригнал в Паган тысячи

рабов. Анируда собрал строителей и возвел в долине Иравади прекрасные пагоды.

Покрыв на машине семьсот километров за день, мы добрались до Пагана поздним вечером. Город тонул в сумерках. Сиреневое небо быстро темнело, поглощая силуэты островерхих храмов и пагод.

А потом первое утро в Нагане. Спит еще не тронутая солнцем старая земля. За порогом — тревожная неизвестность. Из окна отеля виден самый высокий храм Табинью, а за ним — море ступ и храмов, бесконечная поэма в камне во славу Будды. Поразительное впечатление производит Паган: он предстает в руинах, запустении и отблесках былого величия. Легкие зонтики пагод и резные арки храмов устремлены ввысь, и оттого город кажется невесомым.

Тихо. Какая-то вселенская тишина. Будто нет на планете двадцатого века. В памяти всплывают забытые поэтические строчки о нирване:

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха...
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.
Я не хочу пытаться и числить,
Я только чувствую опять:
Какое счастье — не мыслить,
Какая нега — не желать!

Здесь теряешь ощущение времени. Ни души. Лишь в тени дерева лежит монах — худой, как высохшая цикада. На груди и руках — синяя татуировка. Глаза на остром лице смотрят пусто и отрешенно.

Прямо на глазах разгорался день. Солнце обожгло город и будто выкрасило его жаркой охрой. Узкие тропинки, покрытые желтой пылью, змеятся между пагодами. Шуршат под ногами колючки, изредка вынырнет из-под камня ящерица или мелькнет хвост мангусты. И улыбаются под сводами древних храмов изваяния Будды. А когда-то здесь кипела жизнь.

Паган был крупным городом средневековья, влиятельным государством в Азии. Имел торговые связи с Индией и Китаем, свод законов, свою систему мер и весов. Жители владели кузнечным, гончарным ремеслами. В Паган приезжали обучаться наукам молодые

Паган — город тысяч пагод

люди из других стран Азии. Существовала четкая классовая организация общества: наверху король и его министры, ниже — чиновники, писцы, за ними — горожане, свободные крестьяне. И, наконец, зависимые — чваны.

Одна бирманская газета писала: «Если верить хроникам, ежедневно в Пагане возводилось сорок храмов. Значит, за год пятнадцать тысяч, а за триста лет царства Пагана — четыре миллиона. Но это, конечно, легенда». Безусловно, легенда. Однако пагодам в Пагане нет числа. Возведение храма или пагоды до сих пор считается добрым делом, которое зачтется человеку в следующем рождении. А потому каждый буддист считал долгом или оставить после себя пагоду, или пожертвовать на ее строительство.

Есть в Пагане подлинные шедевры зодчества, и сегодня изумляющие специалистов. Ученые долго не хотели верить, что у этого архитектурного чуда бирманские корни. Конечно, можно отыскать в Пагане следы влияния соседних цивилизаций. Культуры народов неизбежно встречаются, обогащая друг друга. Но в целом Паган — создание глубоко национальное, неповторимое. В чистоте и строгости пагод живут душа народа, его понятие о красоте, его стремления, страхи, надежды. Паган — преемник художественных традиций пью и монов, его истоки, как считают большинство историков, вернее всего следует искать в руинах цивилизаций этих древних народов.

Почти триста лет длилось царство Пагана. Город пал от руки монгольского хана Хубилая, внука Чингисхана. В том далеком сражении участвовал Марко Поло. Он и рассказал потомкам, как дрогнули и отступили под натиском юркой монгольской конницы неповоротливые слоны с воинами на спинах, как в панике бежали, спасаясь от метких стрел лучников, воины Пагана. Пал Паган. Пришельцы предали огню и мечу все, что могли, разграбили город и умчались на север. Но Паган больше не возродился. К 1300 году последний житель «по божественному гласу» покинул город.

Одним нравится строгий Годопалин, другим — позолоченный Швезигоун, где хранятся кость и зубы Будды, третьим — Махабодхи, шпиль которого покрыт сотнями ниш с изображениями божества; кто-то отдает

предпочтение древнейшей ступе Бупая, кто-то — легкому храму Нагайоун или мрачному Манухи.

Но, бесспорно, главное святилище Пагана — храм Ананда. Четыре входа с каждой стороны света ведут в храм. Четыре коридора сходятся в центре, где, облокотясь спинами о колонну, стоят четыре гигантские статуи Будды. Лица дышат покоем, светятся опущенные веки, на скользящих в улыбке губах — печать тайны. Стены храма, словно сплошным ковром, покрыты росписью, барельефы из керамики рассказывают о жизни и перевоплощениях Будды. Вот фреска — рождение Будды из бедра матери. Вот она же, великая Мать, кормит грудью младенца. Все изображения очень земные, от них веет добротой и жизнелюбием.

Почти все храмы поражают богатейшей настенной живописью. Кажется, каменотесы и художники Пагана соревновались в своем искусстве. И хотя мастера писали героев буддийского эпоса, они изображали их простыми смертными, своими современниками, рядили в обычное платье, селили в привычную обстановку. По фрескам можно представить быт того времени.

Велись войны, менялись династии, возвышались и падали города, но живы древние пагоды, и сохранились старые надписи на истертых временем камнях. Почти каждая пагода может поведать исследователю много интересного: на стенах высекали просьбы к Будде, молитвы и даже перечни пожертвований.

Паган — не только храм. Дошли до нас упалитейны (от «тейн» — здание, «упали» — монах), где проходили ритуальные торжества. Стоят еще городские ворота Тарапа, которым девятьсот лет; высится пятиярусная библиотека — Питакатай, построенная Анирудой для хранения рукописей, привезенных из Татхоуна.

Но Паган разрушается, выветривается, расщепляется травой. В 1975 году он сильно пострадал от землетрясения. Рухнуло больше ста уникальных строений. Упала в реку пагода Бупая, пошатнулся Швезигоун, треснула митра Ананды. Уже полным ходом идут реставрационные работы. Паган быстро восстанавливается. В работах помогают описания храмов, подготовленные ранее совместным трудом бирманских и советских специалистов.

Практически сейчас в Пагане никто не живет. Из

окрестных деревень сюда приходят торговцы сувенирами, чтобы предложить туристам поделки из перламутра, дерева, бамбука. К ним прибавился еще обслуживающий персонал отеля. Но к ночи люди возвращаются домой, в свои деревни — и снова пустеет Паган. Таинственный, окостеневший мир.

А недалеко — беспокойные ритмы сегодняшнего дня. День и ночь качают нефть вышки Чау, снабжая страну собственным горючим. В Юатиджи работает Академия (школа) по развитию национальных меньшинств. За десять лет ее окончили сотни юношей и девушек, посланцы пятидесяти трех народностей страны. Овладев основами агрономии, медицины, педагогики, они вернулись в родные места.

Когда-то Паган никем не охранялся, и там основательно погрели руки «археологи» с Запада. Они вывозили статуи Будды из яшмы и нефрита, безнаказанно вырубали бесценные фрески. И сегодня рваными ранами зияют на стенах следы их «изысканий». Но теперь Паган объявлен государственным заповедником. Здесь работают историки, филологи, археологи, резчики по камню. И нет сомнения: Паган поведаст миру еще много удивительных тайн.

Когда в Рангуне открылась выставка древней архитектуры и живописи Пагана, простые труженики — рабочие, портовики, грузчики, рыбаки — приходили посмотреть на шедевры национального зодчества и оставляли в книге такие отзывы: «Спасибо, мы учимся, чтобы строить новую жизнь!»

САМЫЙ БИРМАНСКИЙ ГОРОД — МАНДАЛАЙ

Из Пагана мы отправились в Мандалай. «Быть в Бирме и не видеть Мандалай — все равно что быть в Риме и не видеть папы», — записал в дневнике русский филолог И. П. Минаев, путешествовавший по Бирме в прошлом веке. Сами бирманцы говорят: «Хотите услышать самое чистое литературное произношение, увидеть классические танцы? Поезжайте в Мандалай».

Мандалай («Гроздь драгоценностей») — последний оплот доколониальной Бирмы, последняя резиденция

королей, он наследник Пагана и предшественник Рангуна. Наконец, Мандалай — самый бирманский и самый жаркий город в Бирме.

Мы остановились в частном отеле. Хозяин — отец обширного семейства и предприимчивый делец. Отель никогда не пустует: горячий душ в номерах, спасительные кондиционеры и холодильники привлекают туристов. Во дворе гостиницы выстроен бассейн и открыта школа плавания — платная, разумеется. В Бирме любят спорт, особенно водный. Весь день во дворе отеля — плеск, смех, ребячьи голоса.

Мандалай — второй по величине город, с традиционной планировкой. В центре его когда-то стоял королевский дворец. Увы, он сгорел во время второй мировой войны от зажигательной бомбы. Остались лишь зубчатые краснокирпичные стены. Теперь на том месте разбит сквер. Качели, аттракционы, песочницы — любимое место отдыха детворы.

Каждый, кто бывал в Мандалае, непременно поднимался в пагоды, что живописно раскинулись на высоком холме над городом. Они соединены в единую систему крытыми лестницами-переходами. На самом верху стоит изваяние Будды с простертой вперед левой рукой. По преданию, Будда навестил здесь, в горах, своего ученика Ананду и указал место, где должна встать столица буддизма, «центр вселенной» — Мандалай (город был основан, однако, лишь в 1857 году).

Длинен и труден путь к верхней пагоде. Идем не спеша, отдыхая на каждом переходе. На лестницах-базарах можно купить сувенир, выпить лимонад, сфотографироваться и даже узнать судьбу у предсказателя. К услугам желающих мудрый астролог, постигший тайну звезд. Поодаль молча сидит его собрат и конкурент — хиромант. На коврике перед ним — изображение ладони с таинственной сеткой линий. Спит на скамье разморенная зноем женщина, у ее ног, в плетеной корзинке, ребенок делит корку хлеба с бродячей собакой. Мы взбираемся все выше. Склоны холмов усеяны глиняными черепками. Кувшины, принесенные в жертву Будде, разбивают, чтобы их нельзя было продать или использовать вторично. Кто-то принес к алтарю рис и бананы — подношение божеству.

За буфетной стойкой девушка в ожидании посети-

телей читает книжку. На ее щеках нарисованы белые листики: это защита от солнца. Пудрой из толченой коры дерева (танакха) женщины покрывают лицо, чтобы уберечь кожу от загара. Модницы это делают в виде рисунков. Рядом девочка играет с мангустой. Беспокойный зверек с розовым носом то сидит на ее ладони, то взбирается на плечо и на мгновение зати- хает.

Сидит в одиночестве мастер татуировок. Старая поговорка гласит: «Три вещи делают в жизни однаж- ды и навсегда: строят пагоду, татуируются и выходят замуж». Строят пагоды и женятся до сих пор, а вот охотников покрывать тело магическими рисунками ста- новится все меньше, хотя вместо старинного пучка бамбуковых игл мастер вооружен специальной машин- кой. Обычай уходит в прошлое. Также реже встреча- ются чинские девушки с лицом, иссеченным синими по- лосами, или женщины из племени падаун с чудовищно удлиненными шеями.

Падауны живут на северо-востоке страны, в быв- шем княжестве Монгпай. Никто не помнит, когда поя- вился обычай вытягивать шеи девочкам. Но рассказы- вают: повадился в деревню тигр-людоед. Ночью он подкрадывался к хижинам, нападал на спящих дево- чек и перегрызал им горло. Тогда и стали защищать их кольцами. Каждый год, примерно с пяти лет, на шею девочки, как на детскую пирамидку, надевают латун- ное или медное кольцо — до тех пор, пока шея не вытя- нется до тридцати сантиметров. Чем выше «воротник», тем привлекательнее считалась женщина. Нередко та- кое «ожерелье» весит несколько килограммов. Наде- вается оно на всю жизнь. Если кольца снять, наступит смерть, так как позвонки разошлись и шея потеряла опору. К счастью, закованные в медь женщины встре- чаются все реже.

Здесь, на мандалайском холме, находится священ- ная реликвия: отпечаток стопы Будды. Говорят, вода, скапливающаяся в божественной стопе, обладает цели- тельными свойствами. Сюда в надежде на исцеление стекаются потоки больных и убогих. Чтобы взглянуть на такое чудо, мы преодолели 999 ступенек вверх под палящим солнцем. След оказался каменной нишей ме- тровой длины. Не знаю, как насчет чуда исцеления, но

В окрестностях Мандалая

истинное чудо, сотворенное руками человеческими, мы увидели у подножия холма, в храме Кутодо, что в переводе означает «Великая работа, достойная королей».

Здесь выстроено 729 небольших храмов — миниатюрных копий Швезигоуна в Пагане. Под сводами каждого храма — вертикальная мраморная плита, на которой выбит текст священного писания «Трипитаки». 729 каменных «рукописей» — уникальная библиотека.

А рядом старинный деревянный монастырь Шуэнандо. Скрипнула тяжелая резная дверь-фреска и впустила нас в покои. Внутри темно и прохладно, поблескивают золоченые стены, схваченные по углам паутиной; кряхтят, потрескивают полы из старого тика; горят ароматические палочки, как в забытой сказке.

У каждого города своя слава, которую ему создают мастера. В городе Магуэ живут лучшие кузнецы, в Сикайне — чеканщики, в Шуэгу — гончары, в Мандалае — каменотесы, ткачи и ювелиры. Никто не превзошел мандалайских мастеров в изготовлении тончайших золотых пластин, которыми покрывают пагоды. С ловкостью лесковского Левши работают ювелиры. Газовая горелка и пара искусных рук — вот все, чем они располагают, плетя изысканные серебряные ожерелья, браслеты, кольца. А ткачи? Они не просто ремесленники, но художники и химики: сами готовят красители, изобретают рисунки.

Славен Мандалай также искусством литья колоколов. В прошлом веке здесь был отлит самый большой из действующих в мире колокол для неоконченной пагоды в Мингуне, что стоит севернее Мандалая на западном берегу Иравади. Исстари ремесленники селились рядом. И теперь сохранились в городе кварталы мебельщиков, портных, зонтичных дел мастеров.

Никто не знает, где и когда был сделан первый в мире зонт. Некогда он слыл символом знатности и богатства. В Мандалайском музее нам показали зонт величиной с крышу садовой беседки. Его несли над головой вельможи трое слуг. Но не о тех зонтах речь, а о самых обычных, без которых в Бирме не обойтись.

В Мандалае я наблюдала, как рождается зонт. Под навесом хижины, сидя на циновках, работала вся семья. Отец мастерил бамбуковый каркас, мать распи-

сывала шелк, старшие дети натягивали его на каркас, а младшие старательно прилаживали ручки и кисточки. И каждый зонт был не похож на другой.

А на улице каменотесов, близ Араканской пагоды, я видела, как делают богов. Мастер, склонившись над камнем, уверенно извлекал из глыбы знакомые черты. Пока статуя в работе — она обычный полуфабрикат. На сваленных в кучу изваяниях Будды сушится белье, играют дети, спят собаки. Но стоит готовую статую водрузить в пагоде или в домашнем алтаре — кончено. Она — святыня! И тот же мастер, что вчера гранил камень, сегодня благоговейно склоняется перед ним.

Искусство каменотесов предстало перед нами воплощенным в светло-серой громаде кафедрального собора св. Георгия в Мандалае. Среди суеты азиатского города вдруг возникла гармония готического храма. Мраморные колонны уносились ввысь, к куполу, где горела мозаика стрельчатых окон, щедро подсвеченная солнцем. В зале было сумрачно, прохладно, а в открытую дверь врвался ослепительный тропический день. Начинаясь служба.

Увы, не сохранился шедевр национального зодчества — Мандалайский королевский дворец. Тридцать семь деревянных павильонов высилось в дворцовом комплексе. Их стены блистали мозаикой, многоярусные крыши покрывала филигранная резьба и позолота. У ворот днем и ночью несли караул стражники с мечами и копьями. Восточная, самая почетная половина дворца была отдана мужчинам, западная — женщинам. Их разделяли восемь тронных залов. На главном троне, Львином, король с королевой восседали во время торжеств, на Слоновом — выслушивали министров, Гусиный трон служил для приема иностранных послов, трон Морских раковин — для ежедневных аудиенций, Пчелиный — для свадеб короля, трон Улитки — для объявления наследника. Король поднимался на трон по лестнице, входил через дверь-спинку и садился скрестив ноги. Рядом разрешалось сидеть только жене и детям.

К тронным залам примыкали королевская библиотека и сокровищница. Первые книги, написанные на пали, языке буддийских канонов, хранились в золоченых шкафах под охраной и были невероятно дороги.

Впрочем, слово «книга» требует пояснения. Это были тонкие пластины из слоновой кости, на которых гравировали текст. Пластины нанизывали на шелковый шнур, обложками служили позолоченные дощечки. Позднее стали писать на пальмовых листьях, ростках бамбука, а в XIX веке в Бирме вышли первые печатные книги.

У стен дворца располагались казармы стражников и стойла для боевых слонов. К сожалению, немного сохранилось предметов придворного быта. В городском музее нам показывали уцелевшие после пожара архитектурные детали дворца, фотографии последнего короля, Тибо, и его семьи; королевские печати и указы, выжженные на пальмовых листьях.

В истории Мандалая был умный и деятельный правитель — Миндон. Его иногда называют бирманским Петром. Любопытно, что Миндон любил читать «Жизнеописание Петра Первого». Нелегкое время досталось королю. Две войны с Англией обескровили страну, отрезали ее от моря. Понимая, что Бирма не выдержит новой войны, Миндон старался сохранить мир, чтобы выиграть время, собраться с силами и вернуть себе захваченный юг. Он предпринял усилия по некоторой модернизации страны: были построены промышленные предприятия, монетный двор, вышла первая бирманская газета, заработал телеграф. Миндону удалось укрепить трон, но время было против него. К тому же наследник Миндона король Тибо оказался не столь дальновидным политиком. Придравшись к ничтожному поводу, Англия вновь развязала войну.

Утром 28 ноября 1885 года десять тысяч солдат в красных мундирах вошли в Мандалай. Без труда они обезоружили часовых у дворца и водрузили над входом британский флаг. Город практически не оказал сопротивления. Лишь позже против оккупантов в сельских районах развернулась широкая партизанская борьба. Но она уже не могла изменить хода событий. Третья англо-бирманская война стала роковой, ибо страна оказалась надолго ввергнутой в колониальное рабство. Бирма исчезла с карты мира как самостоятельное государство и вошла в состав Британской империи как провинция Индии. Короля Тибо с семьей навсегда сослали в Индию.

Юный чеканщик за работой

Бирманская поговорка учит: «Когда плывешь по реке, следуй ее изгибам. Когдаходишь в дом, следуй его законам». Но завоевателей меньше всего интересовала народная мудрость. Даже Киплинг признавал: «Томми хочет везде жить как у себя дома». Английские солдаты вваливались в священные места, топтали сапогами платформу Шведагоуна и королевские покои.

Волей судьбы в те печальные для Бирмы дни русский ученый и филолог Минаев оказался в Мандалае. «Солдаты вели себя отвратительно, — записал он в дневнике. — Потасили к себе кто что мог. Тащить было что: золото и рубины. Грабеж пошел великий. Устроили аукцион дворцовых вещей... Кто-то купил золотогообразные книги из царской библиотеки, кто — молитвенник царицы, украшенный алмазами. Что за бесславная кампания! Эти аукционы — позор!» Русский профессор сказал тогда пророческие слова: «В Бирме могло загореться такое зарево, результат которого даже трудно предсказать».

Из Мандалая сначала заезжаем в Сикайн, что на западном берегу Иравади. Это — город с белыми пагодами на холмах, город чеканщиков и табаководов. Почти из каждого дома слышны стук молоточков и шипение газовых горелок: особенно славятся здешние мастера чеканкой по серебру или меди. Правда, не все равноценно, многое делается на потребу туристов, но на лучших вещах стоит имя автора, художника. Затем вновь перебираемся через реку.

Впереди — Мемьо, лучший в Бирме курорт. Горный воздух (тысяча двести метров над уровнем моря), свежая зелень, прохлада — все располагает к отдыху. Недаром английский губернатор когда-то основал свою летнюю резиденцию именно здесь. Сюда съезжалась местная знать. Теперь в городе построен Дом отдыха, где проводят отпуск рабочие и служащие, отличившиеся в труде.

Проезжаем мостики, камни, покрытые голубоватым мхом. Навстречу катят деревянные экипажи, запряженные низкорослыми лошадками. Это — городские «такси».

В Мемьо мы заночевали в отеле, бывшем охотничьем замке. Отгорело закатное небо, стало прохладно. В холле у камина уютно. Пушистые шкуры на полу приглушают шаги. По стенам развешаны рога диких кабанов, оленей. В центре холла взбегают вверх деревянная лестница с резными перилами, и от нее расходятся коридоры со спальными комнатами. На новом месте всегда спится тревожно. За окном — незнакомые звуки: слышен протяжный вой шакала, в траве что-то чавкает, стрекочет, шелестит, жужжат комары. Однако скоро обретаешь привычное равновесие. К тому же постель под надежным, двойным пологом, так что можно спать.

Утром за завтраком прислуживает старик-индус Томас. Это «последний из могикан». Он сохранил еще колониальную выучку. Двигается проворно и неслышно, предупреждая желания, словно читает мысли. Томас дряхл, плохо видит. Он помнит старые, «добрые» времена: большая охота, гольф в саду на площадке, а потом у камина бридж далеко за полночь. То были

Междугородный рейс

настоящие господа, англичане. Они никуда не спешили. Теперь не то. Правда, забредают сюда порой специалисты из Канады или ФРГ, работающие по контракту в горах, но неуютно им здесь. И не слуги сопровождают их, как бывало, а вооруженные солдаты. В горах беспокойно, небезопасно. Хорошо это или плохо? Старому Томасу не понять. Да и поздно, время его ушло. Пусть в новом времени разбирается новое поколение.

Мы покидаем Томаса в полупустом замке, впереди новый день пути, впереди — Таунджи.

Волшебны рассветы в тропиках, раз увидев, их нельзя забыть: живая радуга трепещет в небе, меняя краски. А горы то желтые, то лиловые от солнца, и почти все «окрылены» белыми пагодами-парусами. Наша «Волга» взбирается все выше и выше в горы. Видно, как рядом вьется узкоколейка. Но перед крутым

подъемом железная дорога обрывается тупиком, дальше только один путь — машиной. Шоссе очень загружено. По краю пропасти идут, сигнали и светя фарами, грузовики. Порой двум встречным трудно разойтись, так что глядеть надо в оба. Но мы с вами не за рулем, а потому можем отвлечься от дороги и осмотреться.

В долине пасется слон с колокольчиком под хоботом, чтобы не ушел далеко. У края дороги встал шакал, выпорхнула из кустов синяя птица майна. Рыжие, безобидные с виду холмики — термитники. Горе дому, где поселятся термиты. После брачного танца термиты сбрасывают слюдяные крылышки и черными крупными муравьями расплозаются по целям: все — от мебели до телефонного шнура — будет съедено, источено, превращено в труху.

Изредка на придорожных, прогретых солнцем камнях встречаются змеи. В Бирме, если верить газетам, от их укусов ежегодно погибают сотни людей. Но змеи приносят и пользу: уничтожая грызунов, они спасают урожай, дают яд, исцеляющий многие недуги.

Вокруг мир, полный запахов и цветов. Хлебные и дынные деревья, олеандр, лиловое дерево пинма, каштан, дуб, лиственница. А вот королевское дерево — тик, с малиновыми цветами. Но не цветами знаменито оно, а ценной древесиной. Издавна лучшие парусные суда, чайные клипера строили из тика. Да и сейчас тик не имеет соперников в судостроении: он прочен, не гниет в воде, его не точат термиты. Свежесрубленный тик тяжелее воды, а потому тонет. Деревья подпиливают, дают высохнуть на корню, а через год-два валят, связывают в плоты и сплавляют по рекам. В свое время англичане объявили тик британской собственностью и запретили бирманцам его рубить. Сейчас тиковые леса взяты под охрану государства. Ежегодно из Бирмы вывозится 150 тысяч кубометров ценной древесины. Тик — исполинское дерево, достигающее сорока метров высоты. Растет на склонах гор, куда машинам трудно добираться, поэтому на лесозаготовках работают слоны. Умные животные тащат тяжелые бревна к лесопильням, грузят на баржи.

В Бирме шесть тысяч рабочих слонов. Но так как слоны живут в среднем семьдесят лет и в неволе не

размножаются, эту «армию» приходится пополнять. Диких слонов отлавливают, стреляя в них ампулами со снотворным, или ловят с помощью прирученных самок.

Дрессировка слонов — ремесло древнее и тонкое. В Качинской национальной области есть даже «слоновые школы». Первые несколько дней разъяренное животное, привязанное канатами к кольям, врытым в землю, никого к себе не подпускает. Ему не дают ни еды, ни питья. Но постепенно один и тот же человек, обычно это девушка-дрессировщица, приносит слону еду. День за днем она ласково учит животное служить человеку. Поглаживание, ровный тон, терпение — и через неделю уже можно снимать «смирительные» веревки. Очень скоро слоны начинают понимать и выполнять несколько команд.

Щедра природа Шанских гор: гибкая пальма соседствует с могучей сосной. Но, отдавая должное гигантской агаве, мы радовались неизвестному цветку, похожему на василек, и была как откровение полянка со скошенным сеном, почти как в Подмосковье.

На склонах гор раскинулись заботливо возделанные сады, ухоженные огороды. В быстрых ручьях женщины стирали белье, выколачивая его о камни и тут же распластывая на земле белые простыни и цветные лоунджи. Во дворах бегали упитанные лохматые шанские овчарки — не чета их облезлым собратьям в Рангуне: у каждой есть хозяин.

Хижины почти все на сваях, под полом — место для скота и амбар, где хранится зерно. В дом, как в храм, нельзя входить в обуви. Вот и стоят рядом у каждого порога шлепанцы. Убранство в домах — самое скромное: циновки, одеяла, посуда, ящичек для хранения бетеля. Но постепенно в быт, особенно в городах, входит современная мебель, холодильники, транзисторы.

Все на свете кончается. кончилось и наше «восхождение» в горы. Вот и Таунджи — бывшее владение шанского князя, «повелителя солнца».

На главной улице, как положено, выстроились муниципалитет, почта, магазины, рынок. В центре города пыльно, суетно. Зато в зеленых районах, на окраинах, где стоят виллы, колледжи, отель для туристов, легко дышится.

Шанская крестьянка

Чем запомнился Таунджи? Пожалуй, музеями: зоологическим с богатейшей коллекцией и краеведческим. Но главная примечательность города — госпиталь имени шанского князя Сао Сам Тхуна, сподвижника Аун Сана, убитого вместе с ним в июле 1947 года. Госпиталь — трехэтажное здание со стационаром, поликлиникой, хирургическим, стоматологическим и глазным отделениями — построен с помощью Советского Союза, его так и называют «русский».

Много лет жили и работали в Таунджи наши врачи. Работали в далеком горном крае, где сохранились еще кое-где первобытные или феодальные порядки. Тысячи операций сделали советские хирурги, вернув людям

здоровье и красоту. Высоким профессионализмом, бескорыстием, самоотверженностью они очень скоро завоевали признательность местных жителей. Немало учеников и просто хороших друзей оставили советские врачи в Таунджи.

Нас пригласила в гости писательница Ми Ми Кхайн. Много лет она занимается проблемами положения женщин в Бирме, ее книги известны на родине и за рубежом. Хрупкая приветливая бирманка рассказывала: «Женщины в нашей стране издревле пользовались теми же правами, что и мужчины. Это начинается с детства, когда девочки играют в мальчишечьи игры; с шести лет, наравне со сверстниками, идут в школу и учатся, ни в чем не уступая своим ровесникам. Было время, когда в монастырях обучали грамоте только мальчиков. Девочки получали домашнее воспитание. Их учили хорошим манерам, умению вести хозяйство. Откладывали деньги, драгоценности, которые давали в приданое. Сейчас же ни для кого не секрет, что истинные драгоценности — это знания, профессия. Образованные женщины очень уважаемы. Если раньше частицу До прибавляли только к имени почтенной пожилой дамы, то теперь так обращаются и к образованной молодой девушке. Кстати, треть студентов Рангунского университета — девушки».

Сегодня бирманка — не только хранительница семейного очага, она — полноправный член нового общества. Женщины голосуют наравне с мужчинами. По утрам вместе с мужьями идут на поля, на заводы, в лаборатории. Прежде женщины были заняты только по дому да в лавке, а сейчас они с успехом освоили многие «мужские» профессии. Сегодня женщина — врач, учитель, спортсменка, директор фабрики, юрист, инженер, музыкант, журналистка, офицер.

Но, возможно, офицер — довольно редкая профессия для азиатской женщины, а вот учительница... И гостеприимная хозяйка представила нам миловидную девушку, свою родственницу, приехавшую к ней погостить из деревни на воде, с озера Инле. Девушку звали Ми Чан. Она окончила колледж в Рангуне и уехала на озеро Инле учить ребятишек. Мы с удовольствием принимаем ее приглашение поехать с ней, увидеть редкое по красоте горное озеро.

Голубое озеро Инле, природное чудо, лежит в Шанских горах, несколько южнее Таунджи, в двух часах езды машиной вдоль нескончаемого частотола из кактусов.

До деревни час езды в длинной лодке с подвесным мотором. Проводник раздает нам широкополые шляпы и предостерегает: солнце горного озера коварно — за несколько минут не заметишь, как получишь сильный ожог. По совету нашего гида прячемся под зонты, поэтому над лодкой раскрывается разноцветная крыша из зонтиков. Наконец мы экипированы по всем правилам, можно отплывать.

Иногда сильная волна перехлестывает через борт, обдавая прохладой. Вода в озере удивительно чистая, прозрачная. Глубина везде одинаковая — около четырех метров. Кое-где озеро поросло тростником. Наш проводник веслом раздвигает заросли, с трудом проводя пирогу сквозь них и вспугивая диких уток.

Триста лет живет на воде народность инта — «озерные жители». То ли спасаясь от врагов, то ли в поисках воды, переселились они сюда когда-то с твердой земли, да так и осели.

Живут здесь ремеслами, ловят рыбу, разводят огороды, ткут. Инлейские красные лоунджи и тканые сумки, с которыми в Бирме ходят все, и стар и млад, считаются лучшими в стране. Инле — единственное озеро в мире, где гребут не совсем обычным способом... ногами.

Рыбак стоит на самом краю плоскодонки. Лево́й ногой он упирается в носовую часть лодки, а правой захватывает весло и загребает им. Со стороны это выглядит цирковым номером, но рыбаку удобно: руки свободны, ими можно ставить сеть, глушить и выбирать рыбу.

Проплываем мимо водных огородов. Их ровные ряды чуть подрагивают на озерной глади. Сооружаются огороды так: в дно вбиваются бамбуковые шесты, а вокруг них на скрепленной лианами земляной платформе высаживают овощи, зелень, цветы.

А вот и деревня. Как цапли, стоят над водой на тонких ногах-сваях хижины. Главная улица самая кра-

На озере Инле

сивая, вдоль нее выстроились двухэтажные дома, а между ними перекинута гребчатые мостики-переходы. Из окон домов нам машут дети. Сидят на подоконниках разомлевшие от жары кошки — обычные сухопутные кошки, привыкшие жить в деревне на воде.

По улицам-каналам важно плывут утиные выводки. Скользят узкие лодки, груженные овощами и зеленью. К порогу каждого дома привязана такая лодка. Дети, едва научившись ходить, учатся и грести. Ведь здесь все на воде — школы, базары, мастерские, ткацкая фабрика, пагода.

В одном из домов видим группу ребят. Они нараспев скандируют слова, повторяя их за черноглазой девушкой у доски. Это — начальная школа. На несколько минут задерживаемся в школе, знакомимся с молодой учительницей.

«Мне важно не только научить детей читать и писать, но и воспитать их хорошими гражданами, — говорит она. — Есть у меня давнишняя мечта: поехать в Москву учиться, в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы... Моя подружка, — продолжает де-

Индонезия — единственное место в мире, где гребут ногами

вушка, — кончила в Москве Хореографическое училище Большого театра, а сейчас в Мандалае в Школе изящных искусств учит девочек классическому балету. Я часто думаю, как щедро должно быть государство, которое взяло на себя подготовку кадров национальной интеллигенции для развивающихся стран».

Мы прощаемся со школой, с ее приветливой учительницей и едем дальше. Нас ждут в гости. Причаливаем к порогу и по лестнице, выходящей из воды, поднимаемся в дом. В комнате светло, уютно. Много цветов — в вазах, на окнах, перед статуей Будды на домашнем алтаре. Две гладко причесанные девушки склонились над швейными машинками. Шьют себе приданое, объяснили нам. Получив разрешение взрослых, девушки оставляют шитье и присоединяются к нам.

Радужные хозяева усаживают нас перед низким столиком на циновку, расспрашивают о Москве, потчуют рассыпчатым рисом с креветками, красным шанским чаем и бананами с неожиданной начинкой... маринованным табаком.

Я сижу, прислушиваюсь к плеску воды под полом и вспоминаю слова молодой учительницы: «Есть у меня давнишняя мечта: поехать в Москву учиться...» — и очень хочу, чтобы эта ее мечта сбылась.

Страной золотых пагод и оранжевых монахов называли Бирму на Западе. Социалистическим государством трудящихся назвала себя Бирма недавно. В этих двух определениях — судьба народа, ведущего сегодня нелегкий диалог с прошлым и будущим.

Мир знал о Бирме очень давно — из китайских и арабских хроник. Правда, сведения уходят в бездну веков и часто противоречивы, но одно бесспорно: люди обживали эту благодатную землю уже тысячу лет назад. Монские города — Раманнадеш и Суваннабхуми — возникли около первого века новой эры.

Еще до нашей эры началось передвижение в Бирму с севера тибето-бирманских племен. Среди них были предки современных араканцев, чинов, а также пью. В середине первого тысячелетия уже существовало государство пью Шрикшетра, предшественник Пагана с центром в районе современного города Пьи (Пром). На юге формировались прибрежные монские государства.

К десятому веку в Бирме сложились три этнические группы: южная — моны, восточная — шаны, или таи, и центральная — бирманцы, или мьянма. Бирма звучит по-бирмански Мьянма. Бирмой страну называли европейцы.

Именно бирманцы, создав к одиннадцатому веку крупное государство Паган, объединили страну и вывели ее на мировую арену. Когда Паганское царство погибло, страна вновь распалась на враждующие княжества.

Кто сосчитает, сколько раз горела в огне междоусобиц бирманская земля, пока наконец в XVIII веке страна не объединилась под властью династии Конбаунов!

Стихли кипучие межнациональные распри, наступил мир. Но страну подстерегала новая угроза — иностранное засилье.

Богатства Бирмы издавна не давали покоя охотникам до чужого добра. Разоряли страну и монгольские орды. Вторгались китайские армии. Потом их сменили цивилизованные грабители Запада. С шестнадцатого века в Бирму начинают проникать европейцы. На ее земле пытались утвердиться голландские купцы, порту-

гальские конкистадоры, здесь плели интриги французские дипломаты. Но то, что не удалось им, удалось английским колонизаторам.

Вторая половина XIX века, время яростной колониальной экспансии европейских держав, оказалась роковой для всей континентальной Юго-Восточной Азии. Колониями стали Вьетнам, Лаос, Камбоджа (Кампучия). Та же участь ждала Бирму.

Трижды Англия объявляла ей войну. Мужественно сражались бирманцы, но их копья и кремневые ружья были беспомощны перед английскими пушками и карабинами. Как говорят бирманцы, «даже могучий баньян от сильного ветра клонится».

В истории Бирмы настало время колониального рабства. В первых двух войнах Англия, по словам Энгельса, ограбила Бирму, отняла у нее все южные плодородные земли и лишила выхода к морю*. Отмечал факт колониального грабежа и В. И. Ленин в работе «Тетради по империализму»**.

Оставался свободным только север со столицей Мандалай. Завоевателям понадобилось шестьдесят лет, чтобы полностью лишить страну независимости. Через год после окончания войны англичане были вынуждены увеличить численность своих войск в четыре раза. Лишь тогда им удалось оттеснить партизан в горы. К началу девяностых годов прошлого века англичане подавили основные очаги сопротивления в стране. Лишь позднее, в XX веке, в Бирме стали формироваться новые национальные силы — национальная буржуазия, интеллигенция, рабочий класс, которые позднее возглавили борьбу за независимость.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции, о победе рабочего класса в России достигла и бирманской земли, дав заряд национально-освободительному движению. В двадцатых годах борьба с колонизаторами в Бирме становится массовой. Началось со студенческих волнений. Студенты организовали мощный университетский бойкот. Их поддержали школьники. Движение развивалось под руководством

---

* См.: Ф. Энгельс. Бирма.— К. Маркс, Ф. Энгельс.— Сочинения. Т. 14, с. 286

** В. И. Ленин Тетради по империализму.— Полное собрание сочинений. Т. 28, с. 272.

патриотических организаций. Всколыхнулась вся страна. Аудитории университета опустели, а в это время на средства энтузиастов открылись национальные школы и колледжи.

Экономический кризис 1929—1933 годов, втрое снизив цены на рис на мировом рынке, разорил бирманских земледельцев. Началось восстание крестьян, не имевшее себе равных по масштабам во всей Юго-Восточной Азии. Крестьяне требовали отмены несправедливых налогов, заявляли о своих правах на пользование лесом и землей. Два года бушевало восстание, охватило полстраны, но, не поддержанное горожанами, оно было подавлено. Погибло две тысячи повстанцев, 274 человека приговорены к смертной казни, казнен и предводитель восстания — Сая Сан. Жестоким оказался урок, но он научил: путь к свободе — в единстве нации.

В конце тридцатых годов в Бирме появились первые марксистские кружки и группы. Эстафету движения Сая Сана в Рангуне подхватили такины. «Такин» по-бирмански означает «господин». Так в колониальный период обращались к белым, особенно к англичанам. Назвав себя такинами, студенты, рабочие, крестьяне бросили вызов колонизаторам. «Бирма — наша страна, — сказали они. — Бирманский язык — наш язык. Будем же любить свою страну, уважать свой язык».

Такины подчеркнуто отвергали иностранное, вернулись к домотканой одежде, носили деревянную национальную обувь. Но за внешней стороной было главное — такины создали (в 1930 году) политическую организацию «Добама асайоун» («Наша Бирма»).

Во второй мировой войне Бирма была ареной борьбы между англичанами и японцами. И каждая сторона, отступая, оставляла за собой разрушения и пожары.

Поначалу японцы обещали освободить страну от англичан и дать ей независимость. Но, оккупировав Бирму в 1942 году, они тотчас забыли о своих посулах. Стало ясно: одних хозяев сменили другие, японцы так же мало походили на освободителей, «как сова на золотую птицу хинта».

Оккупационный режим вызвал массовое патриотическое движение. В августе сорок четвертого года была

создана Антифашистская лига народной свободы — АЛНС. Объединив в своих рядах всех, кому дорога была судьба родины, — коммунистов, социалистов, армию, Лига стала единым национальным фронтом сопротивления захватчикам всех мастей. Президентом Лиги был избран Аун Сан, генеральным секретарем — коммунист Такин Тан Тун.

Весной сорок пятого года Национальная армия Бирмы во главе с Аун Саном подняла антияпонское восстание и еще до прихода союзных войск освободила Рангун. Война в Бирме окончилась в августе капитуляцией японской армии.

Материальный ущерб от войны составил четырнадцать миллиардов джа. Была уничтожена половина национального богатства. Многие рисовые поля либо превратились в пустыри, либо их поглотили джунгли, пала почти половина скота. Сильно пострадали промышленность и транспорт, разрушены все линии электропередачи, выведена из строя половина железнодорожного полотна. Жизнь удорожилась в пять раз.

Еще более опасным было то, что англичане вернулись в Бирму с намерением возродить старые порядки. Но «банан дважды не плодоносит», времена не повторяются. Патриотические силы выдвинули требование о выводе английских войск, создании национального правительства, разработке Конституции.

В октябре 1946 года, после грандиозной забастовки, англичане были вынуждены предоставить большинство мест в Исполнительном совете (правительстве) при губернаторе представителям АЛНС во главе с Аун Саном.

В январе 1947 года колонизаторы под напором патриотического движения согласились на предоставление Бирме независимости в течение года и проведение в стране выборов в Учредительное собрание. Собрание, избранное в апреле 1947 года, решительно поддержало курс на полную независимость. Олицетворял этот курс Аун Сан. Внук легендарного народного героя Шве Яуна, казненного англичанами, Аун Сан еще в университете стал лидером молодежи, а потом и всей нации. Он страстно хотел видеть свою родину свободной, идущей к социалистической цели. Мечтал о восьмичасовом рабочем дне для трудящихся, о запрещении

детского труда, о бесплатной раздаче земель крестьянам, о социальном страховании.

Ему было тридцать два года, когда его убили*. Утром 19 июля 1947 года ничто не предвещало беды. В Секретариате шло обычное заседание правительства. В одиннадцать часов в зал ворвались люди, вооруженные автоматами, и в упор расстреляли всех, кто там находился.

За шесть дней до гибели Аун Сан, выступая на массовом митинге в Рангуне, сказал: «Бирма должна стать суверенной республикой. Свобода — не чудо-дерево, вырастающее из земли. Если вы хотите получить свободу, будьте дисциплинированы, храните единство, добросовестно трудитесь». Это были его последние слова, обращенные к народу.

Но даже смертью своей Аун Сан послужил родине. Выстрелы, прогремевшие в Секретариате, вызвали бурю народного негодования.

История сохранила самоуверенные слова английского лорда Дальхузи: «Пока светит солнце, над Нижней Бирмой будет развеваться британский флаг». Пророчество не сбылось. 4 января 1948 года Бирма сбросила цепи рабства — навсегда. В половине пятого утра над Рангуном прогремел салют и в небо устремился флаг независимой суверенной республики Бирманский Союз. Улицы заполнились народом, люди поздравляли друг друга и впервые открыто пели гимн: «Навеки это наша страна!» Свобода не была подарена, она была завоевана бирманским народом в длительной и кровавой борьбе. В том же году Бирма была принята в ООН как суверенное государство.

ПРОТИВОБОРСТВО

Добившись государственной независимости, бирманский народ начал нелегкую борьбу за ее упрочение, за экономическую самостоятельность. Вначале страна пошла по пути капиталистического развития, на кото-

---

* О жизни и деятельности национального героя Бирмы см.: И. Можейко. Аун Сан. М., 1965.

ром, однако, не удалось найти решения важнейших национальных проблем. Этот путь разочаровал и народные массы, и многих политических лидеров. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов резко обострились политические, экономические и социальные противоречия. Инициативу взяла в свои руки армия. В ночь на 2 марта 1962 года к власти пришла группа патриотически настроенных офицеров, создавших Революционный совет во главе с генералом Не Вином, сподвижником генерала Аун Сана по антияпонской борьбе. Революционный совет выдвинул программу «Бирманский путь к социализму». Начался новый период в жизни страны — период социалистической ориентации.

После 1962 года произошли в стране большие изменения. Проведены важные экономические, конституционные, культурно-образовательные и другие реформы. Они носят антиколониальный, антифеодальный и антикапиталистический характер. Согласно программе «Бирманский путь к социализму», была осуществлена национализация крупных средств производства и получил большое развитие государственный сектор в хозяйстве. В него вошли самые крупные промышленные, транспортные, строительные предприятия, вся нефтяная промышленность, банки, энергетика, газеты и т. д. Создана широкая государственно-кооперативная торговая сеть. Из Бирмы был вытеснен частный западный капитал, подорваны позиции индийской и китайской буржуазии, серьезно ограничена национальная буржуазия. В то же время проведены некоторые социальные реформы и мероприятия. Поднята роль крестьян и рабочих, которые объявлены главной революционной силой. В стране создана новая политическая структура. Партия бирманской социалистической программы (ПБСП) осуществляет принятый в 1962 году курс «Бирманский путь к социализму». Она создала новые массовые, крестьянские и молодежные организации. В семидесятых годах ПБСП, единственная в Бирме руководящая политическая партия, стала массовой партией.

В 1974 году Бирма приступила к выполнению двадцатилетнего плана экономического развития, который имеет целью вдвое повысить жизненный уровень наро-

да (увы, пока он — один из самых низких в мире), сделать страну аграрно-индустриальной, развить и укрепить новые производственные отношения.

Постановления и реформы правительства всячески саботирует внутренняя реакция. Очень мешают и многие отживающие традиции, предрассудки. Старое не уступало своих позиций без яростного сопротивления. За скупыми строчками бирманских газет, за цифрами государственных планов скрыта жестокая классовая борьба.

Экономика страны, поставившей социалистические цели, немислима без развитой отечественной индустрии. Близ Рангуна построены нефтеперерабатывающий и сталеплавильный заводы, завод минеральных удобрений. Дала ток электростанция Чанчауна. Сегодня страна сама собирает приемники, производит электротовары. Вступил в строй завод по сборке легковых автомобилей в Малуне, завод сельскохозяйственных орудий в Синдэ, цементный завод в Инкоу. Открылся новый монетный двор, где не только печатаются денежные знаки, но и чеканятся ордена, значки, выпускаются марки.

Чтобы не покупать за рубежом потребительские товары, решено развивать легкую промышленность на местном сырье. Дали первую пряжу и тысячи метров ткани новые текстильные фабрики в Сикайне, Палей и Юатиджи. Снабжают население своей продукцией маслобойные, сахарные, рисоочистительные заводы, деревообрабатывающие фабрики. Уже несколько лет в Рангуне работает стекольный завод. В считанные минуты на ваших глазах мастер из бесформенной огнистой массы выдувает тонкие фужеры, вазы, отливающие всеми цветами радуги. Длинная труба стеклодува, здоровые легкие и щедрая фантазия — вот и все орудия волшебства.

Но если ручной труд на стекольном заводе оправдан, то на других предприятиях он — вынужденная мера. Если, например, заменить устаревшее оборудование на нефтеперерабатывающем заводе, то рабочих понадобится в восемь раз меньше. Что делать тогда остальным? Вот почему вопрос механизации не стоит пока так остро. И все-таки черты будущего ясно видны на некоторых современных предприятиях Бирмы.

На табачной фабрике

По праву гордятся рангунцы своей фармацевтической фабрикой. В цехах — стерильная чистота, современная технология, новейшее оборудование. Здесь, в лабораториях и цехах, занято две тысячи человек, большинство — женщины.

На джутовой фабрике в Рангуне трудится больше пяти тысяч человек. Есть тут столовая, библиотека, поликлиника, спортивный зал, детский сад. Многие вопросы вместе с администрацией решает рабочая организация (род профсоюза), она следит за дисциплиной, ведает социальным обеспечением, премиями для передовиков и путевками в дома отдыха.

В сегодняшней Бирме человек труда всеми уважаем. Если рабочий три года подряд удерживает звание «образцового», ему присваивают более высокое: «герой труда». О нем пишут в газетах, его ставят в пример другим. По всей стране растет соревнование рабочих, движение ударников. Конкурсы, смотры, семинары по обмену опытом сближают народности, помогают преодолеть национальные барьеры.

Работает в стране Центральный институт политических наук, центр подготовки политических кадров. Ту-

да направляют особо отличившихся рабочих и служащих. Окончив курс обучения, они возвращаются на производство руководителями и организаторами. В Рангуне открылась школа по подготовке служащих для разных отраслей экономики.

В реализации планов развития экономики Бирма рассчитывает прежде всего на свои силы, но она сотрудничает и с другими странами. Она уже имеет длительный и положительный опыт экономических и торговых связей с социалистическими странами. Но все-таки основную роль в ее внешнеэкономических связях играли и играют капиталистические страны, особенно в последние годы.

Декларация Революционного совета «Бирманский путь к социализму» и сегодня служит программным документом правительства. После всенародного обсуждения в 1974 году в стране принята новая Конституция.

Она объявила государственной целью построение в Бирме социализма. Страна стала называться Социалистической Республикой Бирманский Союз. Высший орган власти — Народное собрание, местные органы — народные советы различных уровней. Революционный совет самоликвидировался. Новая Конституция закрепила однопартийную систему, введенную еще десять лет назад. Руководящей партией страны подтверждена конституционно Партия бирманской социалистической программы.

Нельзя утверждать, что все было гладко на новом пути. Некоторые просчеты заметно осложнили положение в стране. Так, ведя атаку против частного предпринимательства, власти закрыли тысячи мелких лавок, магазинов, мастерских, отелей, национализировали розничную торговлю. В результате два миллиона человек остались не у дел. Эти шаги были поспешными и повлекли за собой перебои в снабжении населения как продуктами, так и продовольственными товарами. Правда, правительство потом признало перегибы, и несколько тысяч торговых заведений было возвращено владельцам.

В последнее время страна переживает серьезные экономические трудности. Мировой энергетический кризис, приведший к повышению цен на промышленные товары, задел и Бирму. Местная валюта — джа — была

не раз уже девальвирована по отношению к иностранной. Ухудшилось положение рабочих и служащих, занятых как в государственном, так и в частном секторах. Их зарплата уже не может покрыть расходы семьи из четырех-пяти человек. В Рангуне и других городах чрезвычайно оживился черный рынок. Правительство пытается бороться со спекуляцией. Только одна проведенная операция «Зузака» («Обжоры») вывела на чистую воду и предала суду пятьсот дельцов черного рынка.

Не гладок путь к новому и в политическом отношении. Более тридцати лет в стране нет гражданского мира. Повстанцы совершают налеты на деревни, мелкие города, грабят кооперативы, фермы, пускают под откос поезда, устраивают зверские расправы над гражданским населением. Мятежников разных мастей много: здесь и пропекинские экстремисты, и бирманские буржуазно-помещичьи группы, и сепаратистско-автономистские элементы (в том числе феодальные) национальных окраин.

В 60-х годах пекинские гегемонисты смогли установить контроль над руководством компартии Бирмы. Они ведут крайне двуличную политику в отношении этой страны. На словах, официально Пекин клянется ей в дружбе, на деле всячески раздувает гражданскую войну, поощряет и вооружает антиправительственное подполье, поддерживает сепаратистов. Действуя таким образом, пекинское руководство стремится держать Бирму под постоянным давлением, чтобы помешать ей проводить самостоятельную, независимую внешнюю политику. (В КНР сильны традиции императорского феодального Китая, рассматривающие Бирму наряду с другими странами на южных границах как утраченную территорию, как бывшего вассала.) В 1967 году маонистские группы, действуя через своих агентов среди довольно большой китайской общины в Бирме, спровоцировали в Рангуне бирмано-китайские столкновения. Это была их попытка устроить «культурную революцию» в стране, навязать ей культ Мао. Эта попытка провалилась. Но тем не менее Пекин предпринял против Бирмы экономические санкции и нанес ей значительный ущерб.

Против повстанцев разного рода на северо-востоке,

у китайской границы, и на востоке страны решительно выступает армия.

Обстановка в стране сейчас трудная. И все же вопреки проискам разношерстной оппозиции правительство продолжает работу во имя построения нового общества.

БИРМА — СТРАНА КРЕСТЬЯНСКАЯ

На бирманском государственном флаге изображены колоски риса на фоне шестерни — символ союза крестьян и рабочих.

Сельское хозяйство — основа бирманской экономики. Из тридцати миллионов человек больше двадцати двух живут в деревнях. Примерно две трети самостоятельного населения занято в земледелии.

Рис — не только хлеб насущный, но и главная статья экспорта страны, он — символ жизни. На свадьбах молодых усаживают перед серебряной чашей с рисом. После того, как жених с невестой отведают по горстке риса из чаши, их считают мужем и женой.

Рис — очень капризная и трудоемкая культура. Ему подавай влагу и солнце. Много пота сойдет с крестьянина, пока он принесет в дом несколько мешков зерна. Перед сезоном дождей надо соорудить земляные валки для удержания воды на полях, каналы и дренаж. Потом, уже в период дождей, по колено увязая в топкой земле, идет он за плугом, который тащит пара буйволов. Сначала подготавливается примерно одна десятая часть поля для выращивания рассады риса. Пока растет рассада, обрабатывается основная часть поля — его пашут, боронуют, спускают воду. Затем наступает самый ответственный момент: на основное поле переносят выращенную отдельно рассаду, ровными рядами высаживают ее в грунт. Это делают обычно женщины. Затем поле снова заполняют водой, уровень которой надо регулировать по мере роста растения. Работа при жаре в сорок градусов — нелегкий труд, а широколобые шляпы — слабая защита от солнца. Но основное уже сделано: над водной гладью полей все выше поднимаются изумрудные метелки риса.

Наконец вызревают золотистые колосья. Потом приходит пора жатвы — деревенская страда, когда все с утра до ночи работают в поле. Спелые метелки риса срезают длинным серпом, вяжут в пучки и на бамбуковых коромыслах уносят с полей. Но и это не все: зерно нужно обмолотить, провеять, просушить, укрыть в амбарах, уберечь от дождей и грызунов.

Издавна Бирма была рисовой житницей. Страну олицетворял бирманский крестьянин-рисовод, производивший главное национальное богатство, источник жизни для народа, в то же время источник прибылей для эксплуататоров — иностранных и своих. Во время и после второй мировой войны многие иностранцы, владевшие крупными земельными угодьями, бежали из Бирмы.

Стало меньше иноземных помещиков, но крестьянам не полегчало: с них начали драть три шкуры местные ростовщики и перекупщики. Крестьянину в Бирме трудно приступить к полевым работам, не имея кредита. Пользуясь этим, ростовщики давали ему кредит на чудовищных условиях, а перекупщики разоряли, скупая за гроши урожай на корню.

Что же получалось? Отдав за ссуду выращенное зерно, крестьянин едва дотягивал до нового урожая. А если он не мог вернуть долги в срок, его попросту сгоняли с земли, отнимали имущество. В стране образовалась миллионная армия безземельных, у которых не было ничего, кроме неба над головой. Что с ними делать? Да и те, кто имел крохотные участки, обрабатывали их по старинке — сохой и мотыгой.

В последние десять-пятнадцать лет производство риса отстает от роста населения. Экспорт риса из Бирмы резко упал.

Пользуясь возросшим спросом на рис внутри страны и за границей, дельцы на черном рынке продают его по взвинченным ценам, контрабандно вывозят за пределы страны, гноят в амбарах, чтобы не сдавать государству.

Новая власть уделяет большое внимание подъему сельского хозяйства, улучшению положения крестьян. Революционный совет издал законы, запрещающие ростовщикам отбирать землю за долги, отменяющие арендную плату крестьян помещикам. Часть беззе-

мельных получила от государства четыре-пять акров земли.

В Бирме обрабатывается только треть пригодных земель. Это показала почвенная карта, составленная с помощью советских специалистов. Лучшие участки были заброшены во время войны, поглощены джунглями, затоплены. Расчистка их, освоение целины требуют времени и немалых затрат. И все же они осваиваются, возвращено к жизни больше миллиона гектаров земель.

Бирманцы издревле умели отвоевывать землю у топи и суши. Еще «живет» искусственное озеро — часть оросительной системы, выстроенной девятьсот лет назад в Мейтхиле. Но пришло время сделать ирригационные и мелиоративные сооружения, которые помогли бы модернизировать сельское хозяйство, снизить его зависимость от капризов природы.

Две грозные силы есть в Бирме — дожди и солнце. Здесь говорят: родит не земля, а вода. Почти в каждой деревне сооружен водоем, обнесенный земляным валом. В сухой сезон из него черпают воду до тех пор, пока не покажется ржавое илистое дно. Но вот начинаются дожди, реки выходят из берегов, и тогда вода из союзника превращается во врага: она грозит смыть посевы, затопить поля. Жители деревень вместе с солдатами, вооруженные мотыгами и носилками, выходят и работают без устали, пока не возведут спасительную дамбу.

Острые аграрные проблемы не решить в один присест. Жизнь настолько сложна, что ее трудно втиснуть в формулировки, она часто опрокидывает прогнозы. А проблем много: низка урожайность культур, поля удобряются мало. Животноводство развито недостаточно, разводится в основном рабочий скот — буйволы. Мало в стране садов, хотя условия для них превосходные. Не налажено рыболовство. Бирманцы очень любят рыбу, но в прибрежных водах ее становится все меньше, а глубоководный лов пока не развит достаточно. В рыбацких джонках далеко в море не уйдешь, да к тому же хранить рыбу негде.

Низка еще культура земледелия. В горах нередко варварски относятся к земле: выбирают участок леса, корчуют деревья, выжигают подлесок и засевают поле.

На год. Потом бросают его, выбирают новый участок — и все повторяется сначала.

Государственный сектор в сельском хозяйстве пока еще слаб. Но уделяется большое внимание развитию кооперации. Закон о кооперативах был принят в 1970 году. Сейчас их насчитывается около двадцати тысяч, и объединяют они свыше шести миллионов крестьян. Бирманские кооперативы — гибкая форма: они сотрудничают и с государством, и с частником. Государство помогает кооперативам, выделяет им кредиты, продает товары по оптовым ценам, контролирует их деятельность. Большинство кооперативов — потребительско-сбытовые общества. Кооперативы взяли на себя снабжение деревни товарами первой необходимости. Они закупают у крестьян рис, продают его государству, одновременно поставляя деревне промышленные товары. В последнее время их виды становятся более разнообразными: одни сообща продают продукцию, другие на паях покупают или арендуют технику, приобретают удобрения, семена, строят зернохранилища, распределяют кредиты. Есть даже кооператив по отлову диких слонов. Есть кредитные и производственные кооперативы.

Членом кооператива может стать любой крестьянин. Он вносит вступительный пай и получает учетную карточку, позволяющую ему покупать текстиль, мыло, керосин и другие необходимые товары по твердым ценам. Таким путем кооператив ограждает крестьян от спекулятивных цен на черном рынке.

Кооперация объявлена второй по значению формой хозяйства после государственной. На нее возлагаются большие надежды.

В каждом земледельческом районе власти планировали создать опытные, образцовые государственные и кооперативные хозяйства. Пусть крестьяне сами поразмыслят, пораскинут умом — где им выгоднее? Такие хозяйства были созданы близ Мандалая. В них вошли крестьяне, активисты молодежной организации, выпускники колледжей и школ.

В Мандалае же мне довелось познакомиться с председателем районного кооператива. Его зовут У Тин Тун. Это немолодой человек, бывший майор, за плечами которого немало боевых заслуг. Он в свое время не

смог получить образования — так уж сложилась жизнь — и сейчас остро чувствует недостаток знаний. В ведении районного кооператива четыреста магазинов, он контролирует торговую сеть, обслуживающую миллион человек. Без специального экономического образования руководителю не обойтись. «Я — солдат, — говорит У Тин Тун, — зато мои помощники — люди молодые, с университетским образованием, и мне не стыдно учиться у них».

Мы были также в селе Ондо, близ Мандалая. Кооперативное хозяйство здесь объединило сотни семей. Любопытно, что каждый крестьянин сам возделывает свое поле, сажает рис. Но правление знает, сколько зерна он вырастит, сколько продаст государству и какие товары приобретет взамен по своей учетной книжке. Задача такой системы — стимулировать крестьян добиваться высоких урожаев.

Правительство стремится сделать сельское хозяйство многоотраслевым. Кроме риса на полях выращивают хлопок, джут, кукурузу, арахис. Однако урожайность культур все еще невысока. Решить проблему поможет повышение культуры земледелия, кооперирование, расширение посевных площадей. Немало уже сделано: правительство списало с крестьян задолженность, регулярно дает им кредиты, повышает закупочные цены на рис, разрешило продавать излишки зерна на рынке. Построены заводы минеральных удобрений, сооружены десятки оросительных каналов, плотин.

На полях страны работают пять тысяч тракторов, функционируют машинопрокатные станции. В городе Хмоби открылись курсы механизаторов. Тысячи бирманцев получили новые специальности. За руль тракторов сели даже девушки.

Движение по пути прогресса в сельском хозяйстве идет медленнее, чем хотелось бы, и все же оно идет.

АСКЕТИЗМ И ПРАЗДНИКИ

Хотя буддизм учит воздержанности, бирманцы умеют радоваться жизни. И это, наверное, закономерно: так же как жизнь в лачугах рождает тягу к красоте,

Чинтэ у входа в пагоду Швемодо (в городе Пегу)

ярким краскам, так и аскетизм религии несет в себе неистребимое жизнелюбие. Врожденная веселость бирманцев находит выход в празднествах.

Самый веселый праздник — новогодний — тинджан.

Новый год приходит в Бирму дважды: в январе — по общепринятому календарю и в апреле — по лунному. Мне довелось встречать в Рангуне... 1336 год по бирманскому летосчислению, начавшемуся в 638 году.

Утром в дверь позвонили. На пороге стояла дочь хозяина дома, четырнадцатилетняя Ма Сан Сан У. В руках она держала поднос с фруктами.

— Тинджан пришел, — улыбаясь, сказала Сан и протянула поднос, — с Новым годом!

И тотчас два ее брата, будто выросшие из-под земли, окатили меня водой с ног до головы. Праздник начался.

Город принарядился. Везде — на эстрадах, в домах, в кабинах водителей, в прическах девушек — замелькали веточки табейбана — золотистого соцветия евгении. Тинджан — это много цветов, шуток, смеха, добрых пожеланий и, конечно, воды. По улицам текут потоки воды.

Когда мир был еще безжизненным и погруженным во тьму, рассказывает легенда, Тинджамин, король натов, велел натам солнца и луны осветить землю. Появились люди и звери, выросли деревья и трава. Тинджамин покинул землю, обещав людям приходить в канун каждого Нового года. С тех пор его встречают весельем и водой. Накануне праздника газеты сообщают предсказания астрологов: на чем явится Тинджамин, что будет у него в руках. В зависимости от этого год будет урожайным, мирным или, напротив, беспокойным.

Праздник открывают дети. В первый день только им позволено обливать родных и прохожих. Потом в игру включаются взрослые. Никто не работает, закрываются все учреждения, кроме почты. Весь народ высыпает на улицу. Студенты и школьники разъезжают в разрисованных грузовиках, которые в любой момент могут стать импровизированными эстрадами. В кузовах машин, превращенных в павлинов и драконов, видны лишь грибы соломенных шляп и мокрые спины. В дни тинджана на каждом углу вы рискуете попасть под водяной «обстрел». Но поскольку в это время года очень жарко, такая процедура несколько не страшна, даже больше того — приятна.

Раньше тинджан был праздником домашним. Достаточно было опустить цветок в благовонную воду и обрызгать ею близких. Теперь он выплеснулся на улицы, приобрел мобильность и размах. Воду в городе запасают заранее. Все, и стар и мал, вооружаются шлан-

Водяной «обстрел» в дни тинджана

гами и насосами, нейлоновыми пистолетами и просто ведрами. Поливают всех, кроме полицейских, почтальонов и монахов. Даже в официальном приглашении бирманского МИДа на прием по случаю Нового года нам советовали прийти в шортах, шлепанцах и прихватить банное полотенце. Да, никого не щадит тинджан. Но никто и не в обиде. Ведь облить — значит смыть горести и заботы прошлого года, пожелать счастья, щедрых дождей и доброго урожая.

Четыре дня искрится весельем Рангун: на эстрадах и наскоро сколоченных, украшенных цветами подмостках самодеятельные артисты танцуют, поют куплеты, разыгрывают сценки.

Но вот наступает первый день Нового года, и стихают водные баталии. Город становится торжественным. Люди, надев нарядные одежды, направляются в храмы. В Шведагоуне в этот день совершается ежегодный ритуал: обливание водой статуй Будды и священного дерева бодхи. Наступает время размышлений, молитв, пострижения в монахи, всевозможных начинаний. Молодежь отправляется делать добрые дела.

Бирманский ксилофон — патала

Есть в Бирме святой обычай: в начале Нового года даровать жизнь обреченному на гибель животному. Открываются птичьи клетки; на рынках у продавцов выкупают гусей и кур, снимают плуг со старого буйвола. Всем даруется свобода.

А через несколько дней после праздника накрапывает первый долгожданный дождь — вестник близких муссонных ливней, обильных и затяжных.

Много праздников в Бирме. Есть среди них День писателя. В этот день с заходом солнца собираются люди, чтобы поговорить с поэтами, журналистами, писателями, послушать их новые произведения, обменяться мнениями, обсудить жизненные проблемы. Кое-где для таких встреч сооружают сцены, но чаще ставят стол, за которым сидят почетные гости и ораторы, а слушатели устраиваются прямо на земле. Подолгу, по нескольку часов, идет доверительный разговор.

Большой национальный праздник — День единства Бирманского Союза. Каждый год двенадцатого февраля по улицам Рангуна проходит яркая демонстрация. Все народности и племена страны шлют в столицу своих посланцев. В шеренгах демонстрантов по красным домотканым одеждам легко узнать каренов, по косичкам у мужчин — монов, по лестрым халатам — па-

Искусству танца учат с детства

лаунов, по широким черным брюкам — шанов, жителей гор. Идут скуластые, похожие на монголов качины. Обращают на себя внимание одежды женщин: кофты, украшенные серебряной или металлической пелериной. Живут качины на севере страны, в длинных домах на сваях, по нескольку семей в доме.

В колонне чинов мелькают чистые, улыбающиеся девичьи лица. Я не случайно сказала «чистые». Совсем недавно в чинских деревнях уродовали лица женщин синими полосами, татуировкой. Обычай этот отживает свой век.

Рядом с чинами шагает воинственное племя охотников — нага. Вид у них устрашающий: в набедренных

повязках, с копьями, в шлемах из кабаньей кожи, с рогами. Но это лишь дань традиционной одежде. В руках у демонстрантов веера, на которых написаны лозунги. Они скандируют их вместе со всеми. Правда, не так уж давно нага были охотниками за черепами. Считалось, что, убив врага и завладев его черепом, можно заставить его дух служить себе.

Веками цивилизация обходила все эти народы. И все же жизнь меняется, постепенно изгоняются невежество и фанатизм. Некогда заброшенные окраины сегодня преодолевают вековую косность: открываются школы на родном языке, строятся дороги, электрифицируются села, ширится сеть радио, крестьяне вступают в кооперативы. Конечно, есть еще силы, которые пытаются помешать консолидации народов Бирмы, но большинство национальных меньшинств проголосовали за новую Конституцию.

Бирма — многонациональная страна, и каждый народ хранит свою культуру, обычаи, праздники.

В Москву, на радио, приходит много писем из Бирмы. «Десятого января, — пишет школьница Ма Вин Санда из города Бамо, — мы отмечали Каренский день, танцевали национальные танцы, устраивали соревнования „доупат“. Было очень весело!»

Каждый народ отмечает свои даты. Но есть одна, общая, главная для всех дата — день рождения страны — День независимости.

Если вам когда-нибудь доведется быть в Бирме четвертого января, то в четыре тридцать утра вас обязательно разбудят удары гонга и набата, звон колоколов, гудки пароходов и фабрик. Именно в этот день и час в 1948 году Бирма обрела независимость. С той поры ежегодно в День независимости вся страна просыпается до зари, чтобы встретить свой праздник, оценить прошлое и заглянуть в будущее.

Главное место — ипподром Чайкасан. До глубокой ночи в разгаре народное гулянье. Далеко видно зарево огней: в Бирме любят иллюминировать разноцветными лампочками деревья. В ночи они похожи на вспышку фейерверка, взлетевшую и остановившуюся в небе.

Кипит пестрое человеческое море, а люди все идут и идут, с детьми, целыми семьями. Пробираюсь сквозь толпу и попадаю в центр празднества.

Народные гулянья в День единства Бирманского союза

На огромном поле Чайкасана соревнуются гимнасты, борцы. Шагает, перестраиваясь на ходу, сводный духовой оркестр. Любители играют в чинлоун — игру, напоминающую волейбол в кругу. Только мяч не резиновый, а плетенный из ротанга, и отбивают его не руками, а ногами. Неподдалеку состязаются острословы: слышны взрывы смеха — бирманцы умеют ценить меткое словечко. Несколько смельчаков вручную раскручивают «чертово колесо», на ходу соскакивая на землю. И несется оно без руля и ветрил, только слышно, как визжит от восторга и страха детвора в подвешенных корзинах. Смешит публику забавная обезьянка: по приказу хозяина она принимает позу Наполеона,

важно скрестив передние лапы, потом делает сальто и с медной кружкой обходит зрителей.

Но какой же праздник без фокусников! Прохожу мимо брезентового шатра. Афиша на нем точь-в-точь с Нижегородской дореволюционной ярмарки: усатый силач с лентой через плечо играючи поднимает стопудовую гирю; загадочно улыбается женщина-паук. Здесь за сходную плату вам покажут всякие чудеса.

Можно прокатиться на гондоле. Полюбоваться редким сортом орхидей в стеклянном гроте. Промчаться с ветерком по узкоколейке. И даже купить лотерейный билет. Рядом, не веря в лотерейное счастье, зарабатывает свой хлеб дедовским способом заклинатель змей: он отрешенно дует в свирель, и над корзиной поднимается плоская голова кобры с очковой меткой на затылке.

Шумят ночные базары. Здесь и там разложены на земле нехитрые товары — зонтики, утюги, посуда. Идет бойкая продажа.

По аппетитным запахам чувствую близость «гастрономического» района. Рестораны очень просты: стол, стулья, а то и просто пара перевернутых бочек, освещенных светом лучины или керосиновой лампы.

Шипит масло в больших плоских сковородах. Жарят пирожки, бананы. Ловко орудуя вилкой, повара, они же продавцы, перебрасывают длинные нити лапши в миски, сдабривают их специями — и блюдо готово. А главное — вам подадут рис. Рассыпчатый, зерно к зерну, ароматный, политый острым соусом нгапи. Обычно рис варят пресным, без соли и масла. А потом добавляют мясную или рыбную приправу. Любят здесь рис, варенный в рыбном бульоне.

Однако вернемся в ночной ресторан. Вижу, как нерешительно подошли и сели за стол два юных монаха. Закон разрешает им есть только до двенадцати часов дня, но у молодых желудков свои законы. Неужели преступят черту? Ничуть не бывало. Привычно запахнув оранжевые тоги, юноши взяли кувшин с обыкновенной водой, неторопливо выпили, явно наслаждаясь процессом, и ушли, поблагодарив хозяина. Необременительна вечерняя трапеза монаха. А вокруг едят вкусно, с аппетитом, кормят детей, веселятся — праздник!

Посланцы народности нага

Много занятого кругом. Но самое интересное — в павильонах выставки свершений страны. В ее экспонатах — достижения и надежды Бирмы, ее сегодня и завтра.

Мой добровольный гид — двадцатитрехлетний бирманец У Чо Сун. У него открытое, доброе лицо, одет в синюю форму, на фуражке — кокарда пожарника. Он прекрасно говорит по-английски. Спрашиваю, где он выучился языку.

— В университете. Я окончил химический факультет. — У Чо Сун смущенно улыбнулся и, помолчав минуту, добавил: — Вас удивляет моя форма? Видите ли, пока не всем выпускникам удастся сразу найти работу по специальности. Но я убежден: пожарное дело — для меня временное занятие.

У Чо Сун ведет меня в павильон прикладного искусства. Переступив порог, мы оказались в волшебном мире, где явь и сон — вместе, где реальность продолжена выдумкой. Здесь выставлена и древняя лаковая миниатюра, ведущая родословную из Пагана, и современная посуда из цветного стекла.

Таращат глаза настенные маски драконов. Светятся радугой резные тарелки из перламутра, шкатулки в серебряной оправе. Часами можно смотреть на шелковые ткани ручной работы (ламе) с золотым и серебряным шитьем. Когда-то из этой ткани шили одежды королям, теперь в нее облачают танцоров.

Бирманское прикладное искусство народно в истинном значении слова: оно делается руками народа и адресовано народу. В редком, даже самом бедном доме не найдется керамической посуды, деревянной статуэтки или плетенки из бамбука. Простые, доступные материалы — тростник, тыква, глина — под руками мастеров превращаются в полные очарования вещи: чаши, ковшики, игрушки.

Самоотверженно, от листьев до корней, служит издавна людям кокосовая пальма — дерево жизни. Она кормит, поит, согревает. Сок ее плодов утоляет жажду, из мякоти добывают ценную копру, стволы становятся стенами жилищ, водопроводными трубами, листьями кроют крыши.

А бамбук? У него тоже целый послужной список. Почти все хижины построены из бамбука. Молодые ростки бамбука употребляют в пищу; из ствола, если его расщепить на узкие ленты, можно плести циновки, вазы, абажуры и другую домашнюю утварь. Знаменитые лаковые шкатулки тоже делаются из бамбука, они легки, упруги, прочны. Но чтобы превратить тусклую рогожку в зеркальную поверхность с тонким золотым узором, нужны незаурядное умение и вкус.

— У нас много хороших мастеров, — говорит мне У Чо Сун, — но только теперь их труд по достоинству

В колонне демонстрантов. Делегация шанов

оценен. Академия искусств регулярно устраивает выставки произведений народных и профессиональных художников, скульпторов, чеканщиков, резчиков по дереву и кости. Победителей награждают премиями и грамотами.

Рядом с павильоном искусств расположился павильон народного образования. Бирма — одна из самых грамотных и читающих стран Юго-Восточной Азии.

Литература в Бирме появилась в незапамятные вре-

мена. Если верить преданию, две тысяч лет назад два брата, купцы из Пегу, повстречали в Индии Будду и, горячо уверовав в его учение, принесли идеи буддизма на родину. Вместе с буддизмом в Бирму пришли пятьсот пятьдесят джатак — притч о жизни и перевоплощениях Будды. Из истоков легенд родилась бирманская литература. Постепенно герои эпоса адаптировались к новой среде, получили новые одежды, имена и характеры.

Культура Бирмы испытала влияние древних цивилизаций Индии и Китая, но она всегда оставалась самобытной. В самобытности своей культуры бирманцы видели один из путей к национальному самоутверждению. Постепенно литература становилась рупором прогрессивных общественных идей. В годы английской и японской оккупации стихи выдающегося поэта Такина Кодо Хмайна переписывали от руки, учили наизусть, передавали из рук в руки, как боевой листок, как призыв к борьбе против колонизаторов.

Еще недавно бирманская литература была для нас тайной за семью печатями, сейчас в любой библиотеке можно взять сборники рассказов, стихов, романы бирманских писателей.

Ромен Роллан писал о высочайшей миссии, которую в двадцатом веке выполняет музыка. По его словам, музыка стала связующим звеном между нациями, расами, государствами. В еще большей мере это относится к литературе. Она визитная карточка народа, его полномочный посол. Об этом я подумала, когда увидела в павильоне народного образования на стеллажах переведенные на бирманский язык книги Толстого, Пушкина, Чехова, Достоевского, Шолохова, Николая Островского.

Русская литература с ее высоким нравственным накалом оказалась близкой бирманцам. На радио в Москву пришло письмо: «Мне очень нравятся Толстой и Горький. Недавно я прочла „Войну и мир“ в переводе У Мья Тан Тина, — пишет школьница Ма Чи Тхей из города Бамо. — Книга мне безгранично понравилась. Я долго плакала над судьбой прекрасного русского князя Болконского, а еще мне хочется быть похожей на Наташу Ростову. Особенно мне запомнились страницы, где русский народ изгоняет захватчиков из пре-

Качинки в национальной одежде

делов своей земли и одерживает победу. Каждый народ должен быть свободным».

Теперь, когда Бирма стала свободной, когда расширилась читательская аудитория, слово писателя приобрело новую силу. В литературу пришла молодежь, горящая желанием служить своим пером народу. Но для этого надо научить народ читать. Вот почему тысячи энтузиастов включились в борьбу с неграмотностью.

Мой спутник остановился и задержал мое внимание на стенде, рассказывающем об успехах школы. Здесь все экспонаты, от топора до лабораторного оборудования, сделаны руками ребят.

— Правительство ввело обязательное начальное образование, — говорит У Чо Сун, — и бесплатное восьмилетнее. Те, кому удастся окончить одиннадцать классов, держат экзамены в вуз.

Затем он ведет меня к стендам, демонстрирующим достижения медицины. Очень оживленно у санитарно-просветительных плакатов. Увы, Бирма — страна, где пока можно встретить почти все болезни, какие есть на земле, хотя их профилактике и лечению прави-

тельство уделяет пристальное внимание. Бирма по праву может гордиться успехами в здравоохранении. Снизилась детская смертность, средняя продолжительность жизни выросла до пятидесяти лет. За опытом в лечении многих болезней, в частности туберкулеза, сюда приезжают врачи из-за рубежа. Время ворожбы, знахарей и жертвоприношений духам проходит. Помощи ищут теперь у врачей, а молитвам и заклинаниям предпочитают лекарства. За годы новой власти ассигнования на здравоохранение выросли в три с половиной раза. Число врачей увеличилось более чем вдвое.

В павильоне градостроительства мы увидели новый Рангун в макетах и диаграммах. Правда, и сегодня еще бирманцы строят в основном вручную и женщины-разнорабочие подносят кирпич и щебень в плетеных корзинах на головах. Правда и то, что завтрашний день города — во многом пока в проектах и схемах. Но народ пробужден к созидательному труду. В павильоне труда мы узнали, что за десять лет больше пяти тысяч рабочих удостоены звания героев труда, в их числе пятьсот женщин.

В павильоне промышленности У Чо Сун с увлечением показывал мне экспонаты: макеты ирригационных плотин — тех, что уже выстроены, и тех, что пока в проектах, ткацкие станки, приемники, тиковую мебель, великолепный паркет из разных пород дерева.

В павильоне со скучным названием «Департамент развития минеральных ресурсов» совсем не скучно. Здесь представлено все, чем богаты подземные кладовые Бирмы: вольфрам, железная руда, уголь, графит, медь, хром, кварц, мрамор. Под стеклом мерцают драгоценные камни. Рдеет рубин — «прозрачности живая кровь», завораживают «синевлещущий сапфир», солнечный топаз, нефрит, аквамарин. Пленяет бездонность лунного камня. И, наконец, жемчуг! Искони жемчуг слыл синонимом богатства: розовый жемчуг олицетворял красоту, голубой — надежду, черный — мудрость, белый — чистоту, невинность. Все эти разновидности жемчуга можно увидеть на ежегодных аукционах — импортиумах. Драгоценные камни и жемчуг — важная статья экспорта Бирмы.

Бирма продает рис, каучук, цветные металлы. Ввозит оборудование, машины, удобрения, стройматериала-

лы, мясные и молочные консервы. Сегодня Бирма торгует с восьмьюдесятью странами, в том числе со всеми социалистическими государствами. Внешней торговлей ведает Торговый совет, объединяющий двадцать корпораций. Однако экспортные ресурсы страны невелики, валюты не всегда хватает для покрытия нужд импорта.

Уважают Бирму во всем мире за последовательную миролюбивую политику. Она — противница военных пактов и остается верной своему внешнеполитическому курсу — укреплению независимости, превращению Юго-Восточной Азии в зону мира на земле.

КАЛЕНДАРЬ ДРУЖБЫ

Установление дипломатических отношений 18 февраля 1948 года стало началом сотрудничества и дружбы между нашими странами, дружбы, которой движет не конъюнктура, а взаимное стремление к миру и прогрессу. Почти тридцать лет сотрудничает Бирма с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Западные экономисты пророчествовали: бирманскому крестьянину век суждено ходить с сохой за буйволом. Но уже сегодня поля Бирмы обрабатывают 5400 тракторов, большинство из которых чешские «Зетор» и советские «Беларусь».

Чехословакия помогла Бирме построить тракторосборочный комбинат, Югославия — судовой верфь, ГДР — бумажную фабрику. Только за десять лет с помощью Советского Союза и социалистических стран в строй сорок пять гидротехнических объектов, открыты десятки машинно-тракторных станций, тысячи крестьян получили специальность механизаторов. На бирманской земле работают советские скреперы, самосвалы, канавокопатели, МАЗы, БелАЗы. Наши ребята помогают бирманцам водить и ремонтировать технику. Советские и бирманские специалисты совместно составили почвенную карту страны, определили типы удобрений, прогнозировали возможности для хранения и переработки нефти. В городе Мочи советские горняки помогли бирманским коллегам восстановить и мо-

дернизировать оловянно-вольфрамовый рудник. Советские специалисты участвовали в проектировании ГЭС на реке Ситаун, которая оросит тридцать тысяч гектаров земли. В июне 1972 года между нашими странами подписано долгосрочное торговое соглашение.

Советский Красный Крест не раз передавал в дар Бирме медикаменты, ткани для населения районов, пострадавших от пожаров или наводнений. Одной только противооспенной вакцины передано шестьдесят миллионов доз. В шанском городе Таунджи, как уже говорилось, возведен с помощью Советского Союза госпиталь, где много лет работали советские врачи.

А на окраине Рангуна, в Джогоуне, специалисты из СССР рука об руку с бирманскими рабочими построили комплекс Технологического института — ведущего технического вуза. На заброшенной пустоши работали наши экскаваторы, башенные краны, и вскоре здесь вырос большой строительный городок: главное здание института, три лабораторных корпуса, восемь факультетов, студенческое общежитие, коттеджи для преподавателей, столовая, спортивные площадки, типография, мастерские.

В 1966 году институт принял первых студентов, а сегодня его называют кузницей кадров технической интеллигенции. В народном хозяйстве Бирмы трудится три тысячи выпускников института — инженеров, химиков, архитекторов. В конце каждого учебного года огромный двор института заполняется до предела. На традиционный выпуск студентов приходят родные, друзья. Один за другим будущие специалисты подходят к ректору и с поклоном принимают из его рук диплом. Рукоплещет зал, вспыхивают блицы фотокамер. «Вы — надежда новой Бирмы, вам строить новую, справедливую жизнь», — говорит в напутственном слове ректор.

Советский Союз помогает дружественной стране в подготовке квалифицированных кадров. Двести бирманцев получили высшее образование в наших вузах. Давно работают в Бирме наши преподаватели.

Больше двадцати лет существует общество бирманско-советской дружбы. В Бирме знают Ленина и интересуются его работами. В памятные дни, когда мир отмечал столетие Ленина, на бирманском языке вышли

биография и сборники произведений великого вождя. В Рангуне открылась выставка «Ленин в работах бирманских скульпторов, художников», издан сборник «Сто стихов бирманских поэтов о Ленине». Вот одно из них. Его автор — поэт Минхла Ньун Кью.

Говорят, что Ленин был русским.
Может быть. Но не только русским —
Он индийцем был и бирманцем,
Англичанином и французом.
Он — рядом живет,
Он — в каждом из нас.
Он работает вместе с нами.
Говорят, Ленин был философом.
Может быть. Но не только философом —
Он рабочим был и крестьянином.
Рыбаком, кузнецом и пахарем.
Их надежды — его надежды.
А борьба их — его борьба.
Вот почему безмянный бирманский крестьянин
Жизнь готов отдать не колеблясь,
Лишь бы сделал народ еще один шаг
По дороге, проложенной Лениным.
Я — молодой бирманец. Я — один из многих
миллионов,
Я — один из черных, желтых и белых,
Которые твердо знают:
Ленин был, Ленин есть, Ленин будет!

«Для нас, — сказал на торжественном заседании, посвященном юбилею, президент общества бирмано-советской дружбы У Аун Хла, — Ленин и ленинизм — источник вдохновляющего примера».

В магазинах Рангуна, Мандалая и других городов — не редкость советские книги, журналы, в кинотеатрах с успехом идут наши фильмы. Визиты, выставки, гастроли, спортивные состязания помогают нам лучше узнать друг друга. Четверть века насчитывает календарь нашей дружбы.

- 1952 — в Москве гостит делегация бирманских писателей.
1955 — обменялись визитами руководители наших стран, началось торговое и экономическое сотрудничество.
1956 — в Москву прибыла группа бирманских крестьян; в Рангуне поэт Николай Тихонов вручил международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» поэту Такину Кодо Хмайну.
1957 — группа советских специалистов передала Рангунскому университету дар МГУ — лабораторное оборудование.
1958 — москвичи увидели бирманский фильм «Цветок любви», а в

Рангуне с триумфом прошла на экранах «Баллада о солдате»; в Москве вышла книга «Бирманский Союз», написанная совместно бирманскими и советскими учеными.

- 1959 — Бирму посетили первые советские туристы.
1960 — в Бирме побывала делегация советских писателей.
1962 — в Рангуне приземлился первый советский лайнер.
1963 — Бирма восторженно встречала советского космонавта Германа Титова.
1965 — визит в Советский Союз председателя Революционного совета генерала Не Вина.
1967 — в Москву на празднование пятидесятилетия Великого Октября прибыла бирманская правительственная делегация.
1969 — в Бирме открылась выставка советских художников.
1970 — в Рангуне прошла выставка «Народные промыслы в СССР».
1971 — в Рангуне открылась вторая торгово-промышленная выставка.
1972 — между нашими странами подписано долгосрочное торговое соглашение; наши страны обменялись делегациями кинематографистов, работников радио, гастролями артистов балета.
1973 — в Москве прошла выставка «Народные промыслы Бирмы»; у нас побывали бирманские врачи, преподаватели, журналисты;
в Рангуне в дар Технологическому институту переданы оборудование, библиотека.
1974 — в Москве гостит партийно-правительственная делегация Бирмы.
1975 — Бирму посетила делегация КПСС.
1976 — в Ленинграде, в Эрмитаже, открылась выставка произведений искусства древней Бирмы;
в Рангуне вышел в свет пятый том сочинений Ленина, издано сорок работ и сборников статей Ленина;
в том же году в Бирме побывали делегация советских партийных журналистов и делегация Верховного Совета СССР.
1977 — в Москву прибыла делегация бирманской молодежной организации Ланзин и делегация работников Высшей школы Бирмы;
в том же году, в канун Великого Октября, в Рангуне открылась фотовыставка, рассказывающая о дружбе между нашими странами.
1978 — состоялся визит в Бирму советской профсоюзной делегации.
1979 — в Москву с официальным дружественным визитом прибыл министр иностранных дел Бирмы.

Время идет, и новые страницы появляются в календаре дружбы.

* * *

Все так же плавится в солнце Рангун, томятся в полуденном зное рисовые поля и медленно катит воды свои Иравади мимо древних лагод, но уже не я, а кто-то другой поднимается по лестницам Шведагоуна и идет открывать свой Паган.

Не знаю, доведется ли еще побывать в Бирме. Но я не перестаю думать об этой удивительной стране. Десятилетия колониального бесправия замедлили бег времени в Бирме. На ее часах все еще разное время: по бирманскому календарю — четырнадцатый век, по общепринятому — двадцатый. В университете студенты овладевают самыми современными науками, а в племени падаун еще заковывают шеи женщин в медные воротники; аэропорт Мингаладоун принимает реактивные лайнеры из многих стран мира, а газеты по пятницам печатают гороскопы недели.

И все же широкая программа социальных преобразований датирована семидесятыми годами нашего столетия. Это ведь Бирма получила приз ЮНЕСКО за успехи в народном просвещении. Это народы Бирмы проголосовали за новую Конституцию, по которой страна стала называться Социалистическая Республика Бирманский Союз.

Тридцать лет свободы! В сравнении с веками отсталости и десятилетиями английского колониального рабства это срок небольшой. Но и за эти годы сделано немало. Труден путь к цели, но в народе говорят: «Знающий дорогу не устанет!»

Далеко от Москвы Рангун. Есть дистанции между странами и веками, но нет расстояний между человеческими надеждами и симпатиями. Наши страны связывают не только Аэрофлот, телеграф и телефон — в сердцах советских людей доброжелательство и симпатия к далекой и близкой стране.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Британское владычество в Индии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 9.
- Энгельс Ф. Бирма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 14.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полное собрание сочинений. Т. 3.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полное собрание сочинений. Т. 24.
- Азовский И. П. Бирма. М., 1970.
- Аун Сан. Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965.
- Бирма, Индонезия. М., 1955.
- Бирманский Союз. Сборник статей. М., 1958.
- Боровик Г. Репортаж из новой Бирмы. М., 1958.
- Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
- Васильев В. Ф. Очерки истории Бирмы 1885—1947 гг. М., 1962.
- Васильев В. Ф. Бирма на новых рубежах. М., 1965.
- Васильев В. Ф. Рабочий класс Бирмы. М., 1978.
- Васильев В., Узьянов А. Современная Бирма. М., 1956.
- Виноградов Л. Большие проблемы малых стран. М., 1974.
- Вяткин А. Р. Население Бирмы: историко-демографический очерк. М., 1979.
- Гаврилов Ю. П. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М., 1970.
- Гагеман К. Игры народов. Т. 1. 1923.
- Жабреев А. Ф. Аграрные отношения в современной Бирме. М., 1971.
- Кауфман А. С. Бирма. М., 1961.
- Кауфман А. С., Малов А. Ф. Новая история древней страны. М., 1962.
- Кауфман А. С. Бирма: идеология и политика. М., 1973.
- Климко Г. Н. Аграрные проблемы независимой Бирмы. М., 1964.
- М. Г. Козлова. Английское завоевание Бирмы. М., 1972.
- Конституция Социалистической Республики Бирманский Союз. М., 1976.
- Минаев И. П. Дневники путешествия в Индию и Бирму. М., 1955.
- Можейко И. В. Аун Сан. М., 1965.
- Можейко И. В. 5 тысяч храмов на берегу Иравади. М., 1967.
- Можейко И. В. Не только память. М., 1965.
- Можейко И. В., Узьянов А. Н. История Бирмы. М., 1973.

- Муранова А. П. Экономическое развитие Бирмы: проблемы финансирования. М., 1978.
- Не Вин. Бирма на новом пути. М., 1965.
- Ожегов С. С. Архитектура Бирмы. М., 1970.
- Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Сучков Н. И. Там, где течет Иравади. М., 1965.
- Такин Лвин. История рабочего движения в Бирме. М., 1972.
- Такин Чит Маун. Заметки о политической жизни Бирмы. 1962—1971 гг. М., 1976.
- Узянов А. Н. Десять лет независимости Бирмы.— «Советское востоковедение». М., 1958, № 1.
- Фильдинг Г. Душа одного народа. М., 1902.
- Чебоксаров П. И., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
- Щербakov М. Т. Бирма. М., 1962.
- Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
- Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

Рангун — сердце Бирмы	5
О чем поведали хроники	12
Два века — две святыни	15
По дорогам «большого кольца»	20
Паган — начало начал	29
Самый бирманский город — Мандалай	34
Впереди — Таунджи	42
Деревня на воде	48
Шаги истории	51
Противоборство	55
Бирма — страна крестьянская	61
Аскетизм и праздники	65
Календарь дружбы	80
Литература	85

Елизавета Владимировна Сумлёнова

БИРМА: ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Путевые заметки

*Утверждено к печати
редколлекгией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *Л. Г. Поспелова*
Художник *Д. Станкович*
Художественный редактор *Э. М. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Пикитина*
Корректор *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13984

Сдано в набор 13.12.79. Подписано к печати 20.05.80. А-01078. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 4,62. Уч.-изд. л. 4,56. Тираж 15 000 экз. Изд. № 4594. Тип. зак. № 893. Цена 30 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28